МАТРОССКІЕ ДОСУГИ.

—

СОЧИНЕНІЕ

В. И. Даля.

—

ИЗДАНО

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

(Изданіе второе).

ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Морскаго Министерства.
1859.

и с
пог
по
рав
нег
Ко
нос
бог
-ро-
тах
ют
по
да
нь
пл
не
ет
то
на
и.
ла
ча
сп

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

—

Стран.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ. 1
Нахлобучка 2
Не гораздъ, да находчивъ. 5
Алеуты 7
Пословицы 10
Пророчество 11
Товарищи 11
Ожегъ и ознобы 14
Сраженіе при Гренгамѣ 14
Свалки на морѣ. 17
Колумбъ. 18
Быль про себя 24
Дѣлушка 36

Стран.

Адмиралъ Кронъ 40
Турецкій флотъ въ 1829 году 45
Закладъ 59
Три супостата 61
Плѣнъ и побѣгъ 64
Кривотолкъ 69
Пароходъ Амазонка 71
Акула 74
Встрѣча морскаго царя 77
Животныя. 79
Пожаръ и потопъ 81
Битва съ Индѣйцами. 85
Бесѣда за хлѣбомъ-солью 95
Сосна и ель. 101
Перелицевка 102
Водопой 104
Туркинъ 105

СМѢЛЫМЪ БОГЪ ВЛАДѢЕТЪ.

Въ Турецкую войну 1828 года, катеръ Сокол̀ъ—Лейтенантъ Вукотичъ—былъ посланъ отъ флота, стоявшаго подъ Анапой, въ Суджукъ, нѣсколько южнѣе Анапы по тому же берегу, для отрѣзанія сообщенія со стороны Требизонда. 9-го Мая на разсвѣтѣ Соколъ увидѣлъ большое двухмачтовое Турецкое судно, у самаго входа въ бухту, въ которую спрятался, и дстерегая непріятеля. Катеръ тотчасъ вышелъ къ нему на встрѣчу, подошелъ на пистолетный выстрѣлъ и далъ залпъ со всего борта; Турки опустили паруса. Лейтенантъ Вукотичъ спустилъ четверку, на которой отправился самъ съ шестью вооруженными матросами на судно: но каково же онъ удивился, когда нашелъ тамъ 300 Турец-

кихъ солдатъ, въ полномъ вооруженіи, подъ командой тысячника (бимъ-баши) и двухъ старшинъ (ага)! На катерѣ Соколѣ было всего 25 человѣкъ и 10 пушченокъ!

Обезоруживъ плѣнниковъ своихъ, Вукотичъ взялъ судно на буксиръ и привелъ его ко флоту. За это былъ ему пожалованъ орденъ Св. Георгія 4 ст.

НАХЛОБУЧКА.

Давно уже, въ 1785 году, случилось на Каспійскомъ морѣ дивное дѣло: есть тамъ портъ Зензели, въ который входятъ суда выгрузившись вовсе, потому что на барѣ или перекатѣ всего не болѣе 5 футовъ воды. Рейдъ открытъ кругомъ, кромѣ запада, и потому входъ въ него съ разгрузкой всегда очень опасенъ.

Нашъ купеческій галіотъ, приготовясь итти въ гавань, выгрузился, но его при этомъ захватилъ въ расплохъ шквалъ съ моря и опрокинулъ, перевернувъ вверхъ дномъ. Музуры (матросы), сидѣвшіе въ низу, полетѣли вверхъ-тормашки, но опамятовавшись увидѣли, что пустой галіотъ, въ которомъ сперло воздухъ въ

трюмѣ, не идетъ ко дну, а плаваетъ внизъ палубой, ровно надутый мѣхъ.

На другой день вѣтеръ стихъ, подъѣхали съ берега лодки и услышавъ голоса въ суднѣ, прорубили дно галіота и приняли оттуда, какъ изъ подполья, заключенныхъ.

Но недавно, въ 1847 году, случилось такое же произшествіе, только еще замѣчательнѣе нашего.

1882 Г.

Шведская купецкая шкуна Флора, со шкиперомъ Лефгреномъ и помощникомъ его съ шестью матросами, нагрузила въ Швеціи строеваго лѣсу и пошла въ Испанію. Утромъ 16-го Ноября, невдалекѣ отъ порта Барселоны, набѣжалъ на нее такой жестокій шквалъ, что опрокинулъ ее вдругъ вверхъ килемъ. Три матроса упали за бортъ и были унесены, другіе три, а также шкиперъ съ помощникомъ, были въ это время внизу; а какъ весь грузъ лѣса упалъ со дна трюма на исподъ палубы, то они успѣли пролѣзть черезъ люкъ въ трюмъ. Судно не тонуло, потому именно, что нагружено было лѣсомъ, и что въ трюмѣ сперся воздухъ.

Тамъ сидѣли несчастные нѣсколько дней, въ потьмахъ, съ трудомъ только отличая день отъ ночи, по слабому свѣту, который доходилъ

черезъ глубину моря до открытаго люка, въ затонувшей палубѣ. Они нашли нѣсколько сельдей и небольшой боченокъ рому; бѣдствующіе согласились расходовать каждый день по кусочку селедки на человѣка и по 20 капель рому, который примѣшивали для питія къ морской водѣ. Ни сухарика, ни другихъ харчей, кромѣ селедки—и ни капли прѣсной воды!

Прошли трои сутки: плѣнники измаялись, жажда доводила ихъ до отчаянія; одинъ матросъ опился морской воды и къ вечеру померъ. На пятые сутки остальнымъ стало душно и заболѣла голова: въ тѣснотѣ этой они уже такъ надышали воздухъ, что онъ испортился. Харчъ вышелъ весь; одинъ матросъ ѣлъ смолу, изъ пазовъ, другимъ она показалась противною.

На шестые сутки не стало у нихъ терпѣнья: не смотря на опасность затопить судно, они карманными ножами продолбили въ днѣ судна диру и выставили оттуда флагъ; бѣлый платокъ на разогнутомъ и выпрямленномъ обручѣ.

Рыбаки съ острова Майорки, который лежитъ на срединѣ Средиземнаго моря, увидѣли этотъ флагъ. Вотъ куда отнесло отъ Испанскихъ береговъ перевернутое судно! Рыбаки подошли на лодкахъ и узнавъ, что подъ нахлобучкой этой есть живые люди, воротились

на островъ за топорами и прорубивъ днище выручили оттуда четырехъ бѣдняковъ, заморенныхъ до полусмерти. Всѣ они, получивъ помощь, остались живы.

Не бывало еще такой бѣды на свѣтѣ, изъ которой бы Господь не выручалъ. Вѣруй, надѣйся а самъ не оплошай. Поваля, Богъ не кормитъ, молись, а самъ къ берегу гребись.

НЕ ГОРАЗДЪ, ДА НАХОДЧИВЪ.

Подружившись гдѣ-то на погулкѣ, Россіи матросъ заспорилъ съ Англійскимъ, кто изъ нихъ выгинетъ лучшую штуку, чтобы показать мастерство свое, проворство, умѣнье и безстрашіе въ матросскомъ дѣлѣ. Закладъ былъ не дорогой — о квартѣ вина; да дорога слава. Вызвали свидѣтелей: Англичанинъ влѣзъ на гротовой флагштокъ, сталъ на клотикѣ на голову, развелъ ногами, опустивъ ихъ обнялъ ими опять флагштокъ и спустился. И наши и Англійскіе матросы закричали ему ура; молодецъ, что и говорить.

Нашъ митроха полѣзъ — а что дѣлать еще и самъ не знаетъ, выше клотика не влѣзешь, на головѣ онъ тамъ не стаивалъ, а думаетъ: не-

чего дѣлать, до-слова крѣпись, а за-слово держись; стану и я. Надобно однакоже полагать, что одна кварта роспита была новыми земляками до заклада: покрайней мѣрѣ товарищи нашего закладчика замѣтили, что онъ какъ-то лапы раставлялъ по выбленкамъ по медвѣжьи. Англичане закричали въ голосъ, что это-де не по матросски; но тотъ остановясь, чтобы перевести духъ, отвѣчалъ смѣло: не спрашивай начала, жди конца — и пошелъ дальше.

Смѣло долѣзъ онъ туда, откуда лѣзть дальше некуда, поднялся на клотикъ, ухватился за него руками, вскинулъ вверхъ ноги — да и перевернулся.... У всѣхъ замерло сердце; но дурака да пьянаго Богъ бережетъ; штукарь нашъ сѣлъ задомъ на бомъ-брамъ-ванты, съѣхалъ по нимъ стрѣлой до бомъ-салинга, ухватился за нихъ руками, да какъ дурь-то изъ него вдругъ вышибло, то онъ, перекрестясь, живо спустился до салинга и по марса-фалу внизъ.

Никто не успѣлъ опомниться отъ испуга, какъ онъ уже стоялъ передъ Англичаниномъ и сказалъ: «Что братъ, небось ты удивилъ? Нѣтъ, твоя штука не штука, а ты сдѣлай-ка по моему! Ставь кварту-то!»

АЛЕУТЫ.

Та часть свѣта, въ которой Государства: Англійское, Французское, Прусское, Австрійское, а также половина Россіи, называется Европой; другая часть Россіи, Сибирь, ушла въ Азію; а гдѣ къ востоку конецъ Азіи, тамъ она моремъ отдѣлена отъ Америки. Въ Сѣверной Америкѣ и у нашего Царя есть доля, есть тамъ на прибрежномъ острову, на Ситхѣ, поселеніе, а частая гряда острововъ, идущихъ отъ этихъ мѣстъ по направленію къ Сибири, также наша: она населена Алеутами.

Это народъ добродушный, смирный но и смѣлый и отважный, особенно на ловлѣ, въ морѣ. По морю ходятъ они не на корабляхъ, не на шкунахъ, не на баркасахъ даже, а на байдаркѣ — и смѣло пускаются почти во всякую погоду.

Байдарка построена очень искусно: остовъ ея связанъ изъ тонкихъ — въ малый палецъ — жердочекъ, скрѣпленныхъ китовымъ усомъ и сивучьими жилами; эти палки собираются у нихъ по берегамъ, ихъ приноситъ море съ

Американскаго материка, а на островахъ нѣтъ лѣсу никакого.

Связанъ остовъ этотъ, длиною отъ полуторы до двухъ саженъ, смотря потому, быть ли байдаркѣ двулючной или трехлючной, то есть для двоихъ или для троихъ сѣдоковъ, считая и гребца, одѣваютъ его лафтаками, — шкурами тюленя или сивуча, которыя сшиваются жилами. Люки покидаютъ круглые, на обручахъ, а впрочемъ весь верхъ, какъ и бока, обтягиваютъ лафтаками. Такая байдарка легка, не боится быть залитою и всплываетъ, какъ чайка, на самую высокую волну и скатывается съ нея опять, какъ на салазкахъ.

Въ средній люкъ садится одинъ человѣкъ, въ носовой другой, завязываютъ подъ мышками сшитую изъ звѣриныхъ кишокъ обтяжку, которая идетъ трубой отъ люка и обнимаетъ станъ; одежда Алеутовъ также не промокаетъ; они берутъ въ руки весло съ обоюдною лопастью, чтобы грести имъ, безъ переносу, съ права и съ лѣва — и смѣло пускаются въ море. Въ такомъ положеніи Алеутъ гребетъ, безъ отдыху и перемежки, 10 или 12 часовъ, дѣлая по четыре узла; а если путь не такъ дальній, то и по семи. Много ловкости и сноровки нужно для управленія байдаркой: надо всегда

1882 г.

править въ разрѣзъ волны, чтобы она не хлеснула въ бокъ и не перевернула; также легко перевертывается байдарка, если сѣдокъ немного свѣсится изъ нея на одну сторону: тогда мудрено выбраться изъ затяжнаго люка. Но всегда труднѣе отваливать съ открытаго берега и приставать къ нему тамъ, гдѣ и въ затишь зыбь разсыпается въ камняхъ опаснымъ бурупомъ. Чтобы пристать, Алеутъ выжидаетъ на веслахъ девятый валъ, то есть одинъ изъ самыхъ большихъ, и на немъ выѣзжаетъ на берегъ; затѣмъ, прежде чѣмъ подоспѣетъ другой, надо успѣть выскочить и вытащить за собою на подхватъ байдарку. Еще больше сноровки надо, чтобы такимъ же образомъ отвалить отъ берега, столкнувъ байдарку на отходящую волну, сѣвши въ нее, обвязавъ обтяжку и принявшись грести во всѣ лопатки.

На переѣздѣ въ открытомъ морѣ, съ острова на островъ, въ бурную погоду, лафтакъ съ исподу одной байдарки лопнулъ: въ байдаркѣ этой сидѣлъ слуга нашего лекаря, ѣхавшаго на другой байдаркѣ, для прививанія Алеутамъ оспы. Такъ какъ байдарка сверху закрыта на глухо, то она не пошла ко дну: она плаваетъ какъ надутый мѣхъ; но непривычный къ такому подтопу путникъ началъ кричать.

Алеуты точасъ выхватили его, со смѣхомъ, и посадивъ временно верхомъ, черезъ верхъ, на свою лодку, опрокинули тутъ же худую байдару, выкачали изъ нея воду и заткнувъ дыру въ два дюйма кускомъ сырой рыбы — которая въ такомъ случаѣ всегда служитъ имъ вмѣсто пробки — опять поставили лодку на дно, сѣли и со смѣхомъ и шутками продолжали путь. Для выкачиванія воды, у Алеутовъ въ каждой байдаркѣ лежитъ ручной деревянный насосъ, или трубка съ поршнемъ.

ПОСЛОВИЦЫ.

Руля за бортъ не положишь.

Сколько ни тянуть, а будетъ отдать.

Тяни, тяни — да и отдай.

Самъ летитъ — самъ полундра кричитъ.

Руль не рулитъ, вода прѣсна.

Выше клотика нелазить (не влѣзешь).

Видно ты съ якоря илу не ѣдалъ (кого укачиваетъ).

Ему надо прописать боцманскихъ капель.

Не посвищешь, такъ и вѣтеръ не подуетъ.

Отпустили ему, по штату, куль да баластину.

Свистка на верхъ — сижу не слышу; свистокъ къ винѣ — сплю да слышу.

ПРОРОЧЕСТВО.

При осадѣ Азова 1696 года, когда Петръ Великій только что начиналъ расширять владѣнія свои, заводить флоты и войско, ему принесли камень, выпаханный будтобы крестьянином изъ земли, на коемъ была надпись:

«Сѣверный орелъ раскинетъ крылья свои надъ морями Черным и Балтійскимъ.» Зная, что это была любимая мысль Петра, думали угодить ему этимъ, снискать милость и награды. Государь посмотрѣлъ на камень, а тамъ и на приносителей, и сказалъ: «Камень хорошъ, и желаніе добро; а надпись ложная.»

ТОВАРИЩИ.

25-го Сентября 1828 года въ осаждаемой съ суши и съ моря Турецкой крѣпости Варнѣ одинъ бастіонъ былъ до того разбитъ, что по немъ можно было пройти въ крѣпость. Но по

отчаянной оборонѣ Турокъ и рѣшительнымъ отказамъ сдаться, можно было предвидѣть, что занятіе крѣпости и города приступомъ стало бы намъ дорого; жалѣя людей, Государь приказалъ взять приступомъ одинъ только бастіонъ этотъ, послѣ чего и крѣпость не могла бы долго устоять. Для штурма назначены были охотники изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ и двѣ роты Измайловскаго полка.

Въ головѣ колонны дозволено было итти на приступъ, вмѣстѣ съ солдатами 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, сотнѣ матросовъ, подъ командой Летенанта Зайцевскаго. Матросы эти вызвались охотой, а какъ они давно уже съ отличіемъ отправляли сухопутную службу въ траншеяхъ, то просьба ихъ была уважена

Въ 5 часовъ колонна бросилась на приступъ; Турки до того захвачены были въ расплохъ, что не могли опомниться и бастіонъ былъ занятъ. Но безумная отвага понесла эту горсть людей дальше и занесла въ самую средину крѣпости. Дорого бѣдняки за это поплатились: оба наши офицера были тяжело ранены, да кромѣ того убито 6 матросовъ, ранено 44 и безъ вѣсти пропало 6.

Подъ вечеръ уцѣлѣвшіе храбрецы наши сидѣли въ сапахъ (въ подходныхъ рвахъ) и утѣ-

шались тѣмъ, что дали себя знать Туркамъ. Глядя на проломъ, по которому о и утромъ прошли и на гогор мъ теперь лежало четверо убитыхъ товарищей, одинъ изъ матросовъ сказалъ: «А что, братцы, коли наши покойники останутся тамъ на ночь, то Турки-собаки надъ ними наругаются. Пойдемте кто нибудь со мною, они теперь напуганы и не чаятъ насъ.»

Два матроса вышли изъ сапы, бросились въ проломъ, подняли всякій по трупу и въ глазахъ Турокъ, которые теперь въ большомъ числѣ стерегли проломъ, унесли убитыхъ товарищей въ закрытый ровъ. Мало того, они выскочили въ другой разъ, и Турки не успѣли опомниться, какъ два молодца наши схватили по другому трупу и подобравъ такимъ образомъ всѣхъ четверыхъ, воротились на свое мѣсто.

Матросы въ траншеяхъ были сборной команды, съ разныхъ кораблей, поэтому, къ сожалѣнію, теперь неизвѣстно котораго они были экипажа и какъ прозывались.

Прибавимъ къ этому, что кровь храбрыхъ не даромъ канула на мусульманскую землю: приступъ, по запальчивости нашей, не удался; но испуганные имъ Турки, видя что въ кр-

пость черезъ проломъ войти не трудно, черезъ нѣсколько дней сдали крѣпость.

ОЖЕГЪ И ОЗНОБЫ.

Если случится рабочему человѣку сильно ожечься, да по близости нѣтъ лекарской помощи, то обложи ожегъ взбитою хлопчатою бумагой; если ея нѣтъ, обсыпь густо мукой— мука намокнетъ отъ гноя и подсыхая сляжется корой; нужды нѣтъ, этого не бойся и коры этой не сымай, а гдѣ станетъ пробивать гной, тамъ все присыпай сверху муки.

Отъ ожега же и отъ озноба нѣтъ лучше крапивнаго настою. Собери лѣтомъ крапиву, со стеблемъ, листьями, какъ есть, изомни и налей простымъ виномъ; коли отморозишь руку, ногу, ухо, то напередъ всего осторожно оттри снѣгомъ, не давая ознобу вдругъ отходить на теплѣ; а когда уже разгорится озноблен-ная часть, тогда примачивай прямо настоемъ вина на крапивѣ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГРЕНГАМЪ, 1720.

Шведы были упорны: 17 лѣтъ прошло уже отъ основанія Петербурга и много побѣдъ мы

надъ ними одержали, а они все еще надѣялись вырвать опять изъ рукъ Петра Балтійское море и земли. Они оставили всѣ стороннія ссоры свои, помирились, не безъ потерь, съ Англіею, Даніею, Польшею, Пруссіею,—приглашали всѣхъ къ себѣ на помощь и хоть не много нашли помощниковъ, однако опять пошли на Россію.

Англійскій флотъ и точно въ 1720 году соединился было со Шведскимъ и вошелъ въ Финскій заливъ, угрожая Петербургу; но онъ успѣлъ только сжечь одну русскую баню, на островѣ Наргинѣ, близъ Ревеля, и спѣшно отозванъ былъ къ столицѣ Шведской, Стокгольму, которой уже грозили наши войска.

Петръ готовился вездѣ къ оборонѣ и къ нападенію, выжидая что сдѣлаетъ непріятель; а узнавъ что у Аландскихъ острововъ показались Шведскія галеры, онъ приказалъ Князю Голицыну, начальнику въ Финляндіи, послать на нихъ нашу гребную флотилію. Князь Голицынъ пошелъ самъ съ войскомъ на 61 галерѣ, объ одной пушкѣ каждая, и 29 лодкахъ. Вышедши въ острова, онъ увидѣлъ—не гребныя суда Шведскія, а линейный корабль подъ флагомъ Вице-Адмирала, четыре фрегата и еще девять мелкихъ судовъ.

Вѣтеръ былъ свѣжій, невыгодный для греб-

ныхъ судовъ, и при томъ противный, но Голицынъ положилъ не отступать передъ непріятелемъ, хотя онъ былъ несравненно сильнѣе,— а выждать только не затихнетъ ли вѣтеръ. Но Шведскій адмиралъ тотчасъ самъ спустился на него, подъ всѣми парусами, считая гребную флотилію нашу вѣрной добычей. Князь Голицынъ, уклоняясь отъ неравнаго боя на открытомъ мѣстѣ, самъ пустился въ проливъ между двухъ острововъ, Фрисберга и Роскіера, гдѣ много подводныхъ каменьевъ. Шведы запальчиво преслѣдовали его до острова Гренгама, надѣясь на знаніе мѣстности и своихъ лоцмановъ; но тутъ Князь Голицынъ вдругъ обратился на непріятеля, такъ нечаянно, что начавъ строиться въ боевой порядокъ и привздить къ вѣтру, два Шведскіе фрегата попали на мель.

Этого наши и ждали: часть галеръ отдѣлилась и, бросившись на абордажъ, взяла оба фрегата; другія успѣли въ тѣснотѣ отрѣзать путь остальнымъ двумъ фрегатамъ и послѣ нѣсколькихъ продольныхъ выстрѣловъ по нимъ, также взяли ихъ на абордажъ; корабль упелъ одинъ и галеры наши не могли гнаться за нимъ въ открытое море. Нашихъ убито однакоже 82 человѣка, ранено 246.

Эта побѣда одержана была въ годовщину Гангутской; четыре фрегата, на коихъ взято 104 пушки и 407 плѣнныхъ, торжественно и благополучно приведены были въ Петербургъ, мимо Англійскаго флота, подъ начальствомъ Адмирала Нориса, котрый не устерегъ нашихъ, за темнотою ночи. Царь писалъ Меншикову:» Не малая побѣда, потому что одержана при очахъ Господъ Англичанъ, пришедшихъ оборонять отъ насъ Шведовъ.»

СВАЛКИ НА МОРѢ.

Всякъ изъ насъ знаетъ, видѣлъ самъ, либо слышалъ, о бѣдствіяхъ, гдѣ суда, свалившись по оплошности, погибали; но каждый изъ насъ знаетъ только два, три, такихъ случая—а сколько ихъ бываетъ всего, коли сосчитать на всѣхъ моряхъ? Ихъ бываетъ много, и такъ-то много, что и сказать страшно; а такъ какъ по большей части бѣдствія эти случаются отъ того, что часовой, которому велѣно смотрѣть впередъ, дремлетъ либо зѣваетъ, то и не худо сдѣлать здѣсь выписку о такихъ случаяхъ и, глядя на цыфры эти, казниться.

Въ пять лѣтъ съ 1845 по 1849, оглашено 3,016 свалокъ; это выходитъ слишкомъ по 600 въ годъ или безъ малаго по два на день! Изъ этого числа погибло въ морѣ, отъ свалки, круглымъ числомъ по 56 судовъ въ годъ—стало быть болѣе чѣмъ по одному судну въ недѣлю.

Шутка подумать, что день денской на морѣ суда сталкиваются, то въ туманъ, то ночью, и что изъ нихъ каждую недѣлю по одному и по два идутъ ко дну! А сколько такихъ случаевъ остаются въ безгласности! Сколько судовъ, то парусныхъ, то паровыхъ, сталкиваются и расходятся, или одно изъ нихъ идетъ ко дну и никто объ этомъ не узнаетъ?

Вотъ какъ важна должность баковаго матроса, или форъ-марсоваго, которому поручено смотрѣть впередъ! Вотъ сколько у него можетъ быть на совѣсти, сколько душъ можетъ онъ погубить, вздремнувъ или зазѣвавшись.

КОЛУМБЪ.

Въ 1446 по Р. Хр. родился въ небольшомъ, но въ то время сильномъ морскомъ и торговомъ Государствѣ, Христоферъ Колумбъ. Роди-

на его называлась Генуя, въ землѣ Италіанской. Онъ съ издѣтства полюбилъ море, и въ службѣ разныхъ сосѣднихъ Государей, гдѣ выпадалъ ему случай, обошелъ всѣ извѣстныя въ тѣ времена зе́мли.

А надо сказать вамъ, что въ то время знали только свою половину земнаго шара, полагая что въ другой половинѣ все одно море, а земель нѣтъ. Нынѣ люди раздѣляютъ весь земной шаръ на пять частей, называя ихъ частями свѣта: половина Россіи, Сибири, Англія, Франція, Германія, Швеція и другія Государства составляютъ первую часть свѣта, *Европу*; наша Сибирь, Китай, Индія, Персія, мѣста гдѣ созданы были Адамъ и Ева, гдѣ Палестина, Іерусалимъ, составляютъ другую часть, *Азію*; на западъ отъ Азіи и на югъ отъ Средиземнаго моря лежитъ третья часть, отчизна арапов, *Африка*; эти три части связаны вмѣстѣ сушей, все одинъ материкъ, и потому были извѣстны искони; были также давно открыты острова, ближніе и дальніе,—но четвертая часть свѣта, *Америка*, лежащая насупротивъ насъ, въ супротивной отъ насъ половинѣ земнаго шара, вовсе никому не была извѣстна и никто объ ней во снѣ негрезилъ. Пятая часть, *Океанія*, также не была еще извѣстна; она, состоя изъ

множества великихъ и малыхъ острововъ, открываема была исподоволь различными мореплавателями.

И такъ отчаянный морякъ Колумбъ, когда ему исполнилось 35 лѣтъ отроду, перебывалъ во всѣхъ тогда извѣстныхъ земляхъ и даже заходилъ не разъ въ открытое море дальше всѣхъ другихъ: ему все хотѣлось пройти далѣе, до нельзя, увидѣть какой и гдѣ конецъ этому морю и нѣтъ ли тамъ другихъ земель. И спитъ и видитъ онъ одно: пройти незнакомое море это въ перевалъ, изъ конца въ конецъ, и узнать, нѣтъ ли тамъ, гдѣ еще никто не бывалъ, другихъ земель?

Чѣмъ болѣе сталъ онъ объ этомъ думать, тѣмъ пуще стала его одолѣвать охота итти туда, невѣдомо куда; чѣмъ болѣе разсуждалъ онъ объ этомъ и бесѣдовалъ, то самъ съ собой, то съ людьми, тѣмъ тверже сталъ онъ вѣровать тому, что въ другомъ полушаріи есть земля, и земля обширная, большая, никому не извѣстная.

Онъ разсуждалъ такъ: Вся земля, съ водами своими, въ рукахъ Создателя скаталась въ шаръ земной; гдѣ суша поднялась по выше, тамъ вода стекла, материкъ и острова обсыхали и дали пристанище человѣку и животнымъ; гдѣ суша опала ниже, туда стеклась вода, залила

всѣ котловины, всѣ мѣста, которыя ниже уровня—и вышло море.

А если такъ, то можетъ ли быть вся суша на одномъ боку земнаго шара, а вся вода на другомъ? Не можетъ; нельзя ей сдвинутсья всей на одинъ бокъ, на одну сторону земнаго шара; тогда бы земля эта потонула, ушла вся въ воду, ее бы залило кругомъ водой, вся суша была бы морскимъ дномъ и весь шаръ земной залитъ моремъ. Суша тяжеле воды, земля съ одного бока водянаго шара плавать не станетъ; либо вся она должна уйти въ воду, либо ядро земли должно быть каменное, а съ него должна подыматься суша въ обѣ половины шара, выше уровня моря.

Разсудивъ это, Колумбъ словно видѣлъ передъ собою новую часть свѣта, за далекимъ, за широкимъ моремъ, и сталъ порываться туда, на развѣдку и поискъ. Незнакомыя растенія и мелкій лѣсъ, которые иногда выкидывало море на берега крайнихъ къ западу острововъ, еще болѣе убѣждали его въ томъ, что еще далѣе на западъ, отъ Испаніи, должна быть невѣдомая земля.

Осьмнадцать лѣтъ Колумбъ носился съ этою догадкой, въ которую вѣровалъ какъ въ дважды два, носился съ нею и упрашивалъ всѣхъ

почти Государей, снарядить корабли, повѣрить ихъ ему, Колумбу, и поручить ему открытіе новой части свѣта. Никто ему не вѣрилъ; почти никто не хотѣлъ слушать его, многіе говорили: онъ ряхнулся.

На 56-мъ году жизни своей онъ наконецъ заставилъ умныхъ людей призадуматься надъ этимъ дѣломъ, доложить объ немъ королю Испанскому, который, выслушавъ много разъ затѣйливаго и смѣлаго морехода, рѣшился дать ему три парусныхъ судна и снарядить ихъ на далекое плаваніе.

Въ началѣ Августа 1492 года Колумбъ отплылъ въ невѣдомый путь. Сначала команда его радостно и съ вѣрою ожидала будущаго;— но когда суда оставили за собою Канарскіе острова и уже 21 день плыли между моремъ и небомъ — дѣло въ тѣ времена небывалое — то всѣ начали роптать, ихъ взяло нетерпѣніе и отчаянье; онъ ведетъ насъ на явную погибель, говорили они, надо его связать, забить въ каюту и воротиться; нашлись даже и такіе буяны, которые готовы были выкинуть своего начальника за бортъ, считая его сумасшедшимъ.

Бѣдный Колумбъ, твердо вѣруя въ свою истину, поневолѣ и самъ сталъ отчаяваться, видя какого труда ему стоило сладить съ без-

толковыми, невѣрующими крикунами: безумные, говорилъ онъ, потерпите! мы, по счисленію, уже обходимъ треть земнаго шара; уже мы теперь въ другой половинѣ, и вотъ, не сегодня такъ завтра, увидимъ землю! Видите ли морскую наплавную траву, признакъ береговъ?—Видите ли стаи птицъ, которыя всѣ летятъ отъ запада, отъ берега?—Дайтежъ мнѣ три дня сроку; если въ трои сутки не откроемъ передъ собою бе́рега—то обѣщаю отдаться на вашу волю и воротиться; а кто первый увидитъ землю—стерегите,—тому отъ меня богатая награда.

И Колумбъ не обманулся: 11-го Октября ночью увидѣли передъ собою огонь: долго не вѣрили глазамъ своимъ, покуда наконецъ не раздалось съ форъ-марса; берегъ видѣнъ! И громкое ура раздалось отъ марса и до кубрика. Всѣ выскочили на верхъ; съ расвѣтомъ бросили якорь и Колумбъ, съ Испанскимъ знаменемъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой, первый ступилъ ногою на повую землю.

Спутники его бросились ему въ ноги, прося прощенія за малодушіе свое и худое послушаніе; жители тѣхъ странъ, нагіе дикіе, въ пеняныхъ и пестрыхъ украшеніяхъ, никогда не видавшіе бѣлыхъ людей, окружили Колумба, полагая что онъ сошелъ къ нимъ съ неба.

Четыре раза еще навѣстилъ Колумбъ Америку, или прилегающіе къ ней острова—перенесъ много радости и печали, наградъ и обидъ, счастья и бѣдъ—и скончался въ Испаніи въ 1506 году, стало быть на 70-мъ году отъ рожденія.

Съ этихъ поръ, со времени Христофора Колумба, стали смѣлѣе пускаться въ открытое море, обошли мало по малу всѣ острова и весь берегъ матерой Америки, и наконецъ, чтобы пускаться въ Америку двоякимъ путемъ: кто на западъ, кто на востокъ, обошедши полушаріе вокругъ, приходили къ одной и той же землѣ. Одинъ только крайній сѣверъ Америки остался донынѣ не доступнымъ, за непроходимыми льдами.

БЫЛЬ ПРО СЕБЯ.

Отецъ мой былъ крестьянинъ Курской губерніи, жилъ въ свое время безбѣдно, но когда онъ умеръ и мать наша осталась одна съ дѣтьми, то хозяйство наше порастроилось. Когда мы, сыновья, подросли—а насъ было четыре брата—и мать положила заклятіе, чтобы не раздѣляться даже и женатымъ, а жить вмѣстѣ,

то состояньице наше стало опять понемногу поправлятися; старшій братъ хозяйничалъ, а мы, хоть и были всѣ четверо погодки, были у него подъ приказомъ. Покуда мы были малы, то матери было очень тяжело съ нами, безъ рабочихъ рукъ; но какъ мы всѣ вдругъ подросли, то поэтому и хозяйство ея вдругъ стало поправляться.

Двое старшихъ братьевъ ужъ были женаты, когда сказанъ былъ у насъ рекрутскій наборъ Намъ, какъ четверникамъ, не миновать было рекрутчины и потому весь домъ нашъ, вся семья, заливалась горькими слезами. Мать совсѣмъ извелась въ три дня отъ плачу и причитывала то надъ однимъ изъ насъ, то надъ другимъ, какъ надъ покойниками. Я былъ младшій, еще парень глупый, и плачъ матери и невѣстокъ меня совсѣмъ смутилъ и напугалъ; третій братъ былъ малорослый и въ солдаты не годился, а потому и не горевалъ; по двое старшихъ, какъ послышали что бѣда подходитъ, бѣжали и стали прятаться въ лѣсахъ и оврагахъ. Наберутъ бывало ночью, тайкомъ, хлѣба и уйдутъ дня на три, на четыре; а я оставался одинъ съ матерью и невѣстками, на хозяйствѣ, потому что третій братъ былъ въ извозѣ.

Разъ, когда старшіе братья воротились за хлѣбомъ, я сталъ проситься съ ними; но они сказали, что мнѣ бояться ничего, меня не возмутъ, а сами опять ушли. Я сначала было и повѣрилъ имъ, но послѣ разсудилъ, что они меня обманываютъ. Я рѣшился уйти самъ по себѣ. Взявъ хлѣба порядочной запасъ, я ночью вышелъ и пошелъ, куда глаза глядятъ, потому что я до этого времени еще и мало гдѣ бывалъ въ околицѣ и незналъ куда итти и гдѣ прятаться.

Шелъ я недѣли двѣ, покуда съѣлъ весь хлѣбъ, тогда пришла бѣда: ѣсть до смерти хочется, а взять негдѣ, просить и стыдно и страшно; чтобы не стали допрашиваться, а украсть боюсь и подавно. Однако голодъ допялъ меня такъ, что я подъ вечеръ зашелъ въ первую встрѣчную деревню, вошелъ въ избу и заставъ тамъ одну только хозяйку съ ребятишками, признался ей во всемъ и просилъ чтобъ накормила. Ей меня жаль стало; давши мнѣ поѣсть и ломоть хлѣба на дорогу, она сказала: Богъ съ тобой, иди куда знаешь.

Два дня шелъ я опять степью, на полдень, опять проголодался, а деревни никакой не попадалось. Доняла меня такая грусть, что ужъ радъ бы воротиться, да не знаю куда итти. Цѣлый мѣсяцъ шатался я такъ, ослабъ, за-

болѣлъ, и кормился одною сырою только рожью и гречихой, почему и лежалъ по цѣлымъ днямъ въ хлѣбахъ, а ночи шелъ, самъ не зная куда. На разсвѣтѣ одного дня взошелъ я на курганъ, чтобы увидать гдѣ растетъ хлѣбъ и залечь туда на день, и увидалъ что не въ далекѣ около дороги ростетъ горохъ. Обрадовавшись этому, я пошелъ туда, залѣзъ въ горохъ, наѣлся его вволю и нарвалъ себѣ еще запасу, поклавъ за пазуху. Вдругъ увидѣлъ я ѣдущаго по дорогѣ мужика; я притаился, но онъ меня увидалъ, спускаясь по изволоку съ горки, подъѣхалъ, вызвалъ и связалъ мнѣ назадъ руки. Я такъ оробѣлъ, что и не противился ему; я былъ еще парень молодой и крѣпко отощалъ, а онъ былъ мужикъ здоровый. Связавъ, онъ порядкомъ отстегалъ меня кнутомъ, а потомъ привязалъ къ оглоблѣ и поѣхалъ; я долженъ былъ, какъ могъ, ровняться съ лошадью, которая не рѣдко бѣжала рысью. Такимъ образомъ привелъ онъ меня въ домъ своій, который былъ не въ деревнѣ, а стоялъ самъ по себѣ, какъ хуторъ; въ избѣ онъ развязалъ мнѣ руки и погрозивъ кнутомъ послалъ на печь.

Между тѣмъ хозяйка собрала обѣдать; онъ сѣлъ, поѣлъ, разсказалъ ей что поймалъ вора въ горохѣ, какого-то бродягу—а я сжуи между

тѣмъ на печи, голодный какъ волкъ, и не знаю что будетъ. Немного погодя хозяйка сказала: ужъ хоть воръ, да надо же и его чѣмъ нибудь покормить; тотъ отвѣчалъ: да я ужъ покормилъ его кнутомъ, довольно; дай ему щецъ да хлѣба; а самъ легъ спать, приказавъ хозяйкѣ строго меня караулить.

Отдохнувъ съ часокъ; хозяинъ опять связалъ мнѣ руки, вывелъ на дворъ и привязавъ къ осѣдланной лошади, самъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Бѣгу я въ припрыжку, не знаю что изъ меня будетъ, куда меня ведутъ; сколько ни прошусь, ни отпрашиваюсь—хозяинъ молчитъ, и не глядитъ на меня. Между тѣмъ смерклось и стало такъ темно, что не видать было ни зги; я бѣгу, спотыкаюсь и падаю, а хозяинъ ругаетъ меня, что я плохо поспѣваю и что онъ черезъ меня, опоздалъ, сбился съ дорóги и не попадетъ, куда надо было, къ ночи. Побившись еще немного, хозяинъ увидалъ, что не шутя сбился съ дорóги; нашли тучи, поднялся встрѣчный вѣтеръ и пошелъ мелкій, докучливый дождь. Хозяинъ въ досадѣ свернулъ съ дорóги въ сторону, досталъ желѣзные путы, приковалъ меня на замóкъ ноги съ погою къ лошади и заставилъ такимъ бразомъ стеречь ее, а самъ легъ, укрывшись

тулупомъ и заснулъ. Все это сдѣлалъ онъ молча, не сказавъ мнѣ ни одного слова и не отвѣчая также ни однимъ словомъ на всѣ мои просьбы.

Лошадь стала пастись и шагъ за шагомъ потащила меня за собой, а я долженъ былъ, не зѣвая шагать за нею, какъ только вздумается ей переставить ногу; иначе она дергала меня желѣзными путами, такъ, что я не могъ устоять на ногахъ. Долго проходилъ я съ нею такимъ образомъ, и замучила она меня до того, что я съ отчаянія заплакалъ. Чтобы хоть не много отдохнуть, я поймалъ ее за морду, приподнялъ ей голову и не давалъ ей пастись, а заставлялъ стоять смирно на одномъ мѣстѣ. Оглядываясь кругóмъ, между тѣмъ какъ она все дергала и рвала меня, то головой, то путами, переставляя нóги, я увидѣлъ, что должно быть она отошла довольно далеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ хозяинъ; тогда пришло мнѣ вдругъ въ голову другое: что еслибъ мнѣ удалось сбить съ ноги путы, сѣсть на готовую, осѣдланную лошадь и ускакать? Придумавъ это, я взялъ лошадь подъ узцы и повелъ ее еще далѣе: ночь была такъ темна, что не видать было куда ступаешь ногой; но пробившись можетъ быть около часу и удаляясь, сколько могъ опознаться, все въ одну сторону, чтобы уйти

подальше, я наконецъ очутился съ лошадью въ оврагѣ, гдѣ былъ мелкій кустарникъ, тутъ я остановился, присѣлъ и сталъ ощупывать свои кандалы: но я увидѣлъ, что мужикъ мой не ошибся, пустивъ меня беззаботно съ лошадью на всѣ четыре стороны: путы были изъ крѣпкаго, крученаго желѣза и такъ хорошо наложены, что мнѣ мало оставалось надежды Я однакоже не отчаявался, другаго спасенія не было и я подумалъ: что будетъ, то будетъ, еще должно быть почи много осталось—постараюсь; если хозяинъ и проснется, то онъ до свѣту меня не отыщетъ. Придерживая одной рукой лошадь за-поводъ, чтобы она смирно стояла, я все еще сидя перебиралъ другою рукою путы, разбирая гдѣ они послабѣе, гдѣ ихъ можно перебить, а тамъ хотѣлъ искать ощупью какого нибудь камня, снять стремя и попробовать своего счастья. Такимъ образомъ я сидѣлъ на корточкахъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, какъ вдругъ лошадь моя фыркнула, сильно рванулась у меня изъ рукъ и пустившись во весь духъ, таскомъ поволокла меня за собой по землѣ. Не понимаю и теперь, какъ меня Богъ спасъ, что она мнѣ задними ногами не раскроила черепа; но конечно она успѣла сдѣлать такимъ образомъ со мною только нѣсколько

скачковъ, какъ вдругъ взвилась было на дыбы, а тамъ со стономъ рухнулась на-земь. Я не успѣлъ опомниться, какъ волки навалились на лошадь со всѣхъ сторонъ; первый изъ нихъ, самый отчаянный, схватилъ ее за горло, и въ это-то время она и взвилась на дыбы; но видно онъ мѣтко вцѣпился и разорвалъ ей горло, потому что она, какъ я сказалъ, упала и въ самое это время волки бросились со всѣхъ сторонъ и начали ее рвать.

Нѣсколько минутъ лежалъ я, оглушенный и въ полупамяти, въ растяжку на землѣ, но вскорѣ, не смотря на боль въ головѣ и страхъ, пришелъ совсѣмъ въ себя, слышалъ, видѣлъ и помнилъ все, что около меня дѣлалось. Волковъ было безъ малаго до десятка; лошадь лежала ужъ не живая, они рвали и дергали ее такъ, что даже и меня, прикованнаго къ ней, таскали съ нею вмѣстѣ по землѣ. Раза три, тотъ либо другой изъ нихъ обнюхивали меня вплоть, но опять кидались на свою добычу. Я лежалъ и ожидалъ своего конца. Это длилось, какъ мнѣ казалось, очень долго, я думаю болѣе двухъ часовъ; нажравшись до сыта, волки стали отходить по одиночкѣ и, присѣвъ тутъ же по собачьи, облизывались и выжидали своихъ товарищей. Въ числѣ ихъ было также гнѣздо

молодыхъ, но уже порядочныхъ подростковъ, съ волчицей; одинъ изъ нихъ вздумалъ какъ-то съ дуру завыть, но волчица тотчасъ же кинулась на него, оскаливъ зубы, и онъ замолчалъ и, поджавъ хвостъ, принялся опять рвать зарѣзанную лошадь. Наконецъ пятокъ ихъ, облизавшись, окружили меня, подошли вплоть, такъ что дотыкались до меня мордой, и стали обнюхивать: я лежалъ смирно и не дышалъ, они отошли, сѣли вмѣстѣ и дружно завыли; потомъ стали шататься порознь, одинъ подошелъ и еще немного погрызъ кость, а затѣмъ всѣ они разбѣжались. Немного спустя, я уже слышалъ голоса ихъ издалека; по ту сторону оврага.

Собравшись съ духомъ, я привсталъ, началъ я потьмахъ присматриваться и увидѣлъ, что лошадь съѣдена была дочиста, остались одни только растаскашныя врозь кости. Путы все еще прикованы были по прежнему къ ногѣ конской, объѣденной кругомъ и оторванной вмѣстѣ съ лопаткой отъ тѣла. Потянувъ свою ногу, я потащилъ за собою и ту; мнѣ почти не было никакой надежды отъ нея отдѣлаться. Я принялся однакоже ломать конскую ногу въ колѣнкѣ и послѣ долгаго мученья успѣлъ въ этомъ; тогда я перекрестился и отправился вдоль по оврагу, волоча путы и кусокъ ноги

лошадиной за собой; но когда прошелъ первый страхъ, то я сталъ подогадливѣе, забралъ привѣсокъ этотъ въ руки и мнѣ было посвободнѣе итти. Я ожидалъ каждую минуту, что либо хозяинъ меня нагонитъ, либо опять волки нападутъ и съѣдятъ безъ пощады, потому что теперь уже у меня нечѣмъ было ихъ подчивать. Я бѣжалъ, сколько могъ, но наконецъ вовсе выбился изъ силъ и замѣтилъ начало зари. Успокоившись немного, въ ожиданіи свѣта, я легъ подъ кусты въ оврагъ, или по тамошнему въ балку, и вскорѣ заснулъ.

Отдохнувъ не знаю сколько времени, я проснулся; солнышко было уже высоко; сперва я не могъ опомниться—разбитая голова моя болѣла, а все что случилось со мною въ ночи, казалось мнѣ дурнымъ сномъ. Но объѣденный волками мосолъ съ путами на ногѣ моей увѣрилъ меня, что все это дѣялось со мною на яву. Помоливши усердно за спасеніе свое и горько покаявшись, что пустился, по глупости и по примѣру старшихъ братьевъ, на такое недоброе дѣло, я и самъ не зналъ что теперь начать, какъ быть и куда дѣваться; проклятыя путы смущали меня еще болѣе, а между тѣмъ нечѣмъ было сбить ихъ и я видѣлъ, что самъ не смогу отъ нихъ отдѣлаться; а какъ

въ этомъ видѣ показаться куда нибудь людямъ на глаза, въ деревню или проѣзжимъ? Всякій сочтетъ колодникомъ и отправитъ къ начальству; а какъ быть безъ хлѣба?

Между тѣмъ какъ я раздумывалъ все это и плакался на горькую судьбу свою, услышалъ я голоса: мимо меня невдалекѣ пролегала дорога, которой я и не замѣтилъ: по ней ѣхали чумаки съ обозомъ, на волахъ, и играли на сопѣлкахъ. Слушая издалека пѣсни эти, я крѣпко позавидовалъ добрымъ людямъ, которые, не боясь свѣта Божьяго, ни глазу другихъ людей ѣдутъ себѣ спокойно и еще веселятся. Чумаки остановились около этого мѣста кормить воловъ, и поставивъ возы свои въ ряды, распустили скотину, а сами раскинули треножники и принялись варить кашу. Я все сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ ходили они между возами, перекликались, шутили и смѣялись,—какъ дымокъ закурился и понесся вѣтеркомъ на мою сторону и мнѣ запахло и жареным и вареным. Волы бродили вокругъ меня близко и одинъ изъ чумаковъ, пошедшій согнать скотину ближе къ дорогѣ, чтобъ не было потравы, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ и, подумавъ немного, подозвалъ товарищей. Чумаки сошлись надо мной и стали допытываться, кто я и что за человѣкъ; затѣмъ

1882 г.

они взяли меня, дивуясь путамъ на ногѣ моей и лошадиной ногѣ съ копытомъ, и привели въ таборъ, къ своему атаману или старшинѣ.

Я разсказалъ всю правду, что какъ было. Выслушавъ все и подивившись похожденіямъ моимъ, они надо мною сжалились, сбили съ меня путы и накормили меня доброй кашицей съ саломъ. Когда они собрались опять ѣхать, то я сталъ проситься съ ними, но они не взяли меня, сказавъ что боятся отвѣту, а посовѣтовали лучше итти домой. Я поблагодарилъ ихъ и за это, сказавъ, что радъ бы и домой итти, да не знаю дороги; распросивъ меня хорошенько откуда я, они показали мнѣ какъ итти, сказавъ, что видно я шатался все вокругъ да около, потому что прямымъ путемъ будетъ не такъ далеко и дойти можно въ недѣлю.

Пошелъ я домой и безъ особенныхъ приключеній благополучно добрался до своей родной деревни. Глупость папа не пошла къ добру: какъ пришелъ наборъ и дошла до насъ очередь, то втораго брата моего отыскали, засадили и забрили ему лобъ, а хозяйка его съ ребепочкомъ, черезъ меня, остались сиротами. Въ тоже время, какъ побѣгъ нашъ длился мѣсяцевъ пять и притомъ въ самую рабочую пору, отъ начала лѣта и до поздней осени, то хозяйство

наше больно потерпѣло и разстроилось. На бѣду за нами числились еще старыя недоимки, съ тѣхъ поръ, когда мать моя не могла всего выплачивать; міръ, какъ говорили, платилъ за насъ. Кромѣ того, по разстройству нашего хозяйства, мы и не могли уплатить даже сполна и новыхъ податей; сходка собралась, по разнымъ мірскимъ дѣламъ, и присудила, между прочимъ, отдать меня за побѣгъ и за недоимки въ рекруты, взачетъ другимъ. Это случилось зимой, такимъ образомъ я, прошатавшись почти полгода, натерпѣвшись страстей, да еще раззоривъ, пополамъ съ братьями, хозяйство наше, участи своей не миновалъ, а кабы сперва-начала, не послушавшись худаго разума, пошелъ бы прямо изъ нашей семьи въ солдаты, такъ ничего бы этого не было и оба старшіе, женатые братья мои сидѣли бы теперь дома, да вся семья молила бы за меня Бога. Теперь служу я хорошо; да ужъ стараго грѣха не воротишь, прошлаго не поправишь.

ДѢДУШКА.

Въ 1691 году молодой Царь Петръ Алексѣевичъ нашелъ въ одномъ изъ сараевъ, въ под-

московскомъ селѣ Измайловѣ, брошенный тамъ ботикъ, который когда-то поднесенъ былъ Англичанами родителю Петра, Царю Алексѣю Михайловичу. Невидавъ никогда такого судна, любознательный Царь разсматривалъ его съ большимъ вниманіемъ и очень обрадовался, когда призванный Голандецъ Брантъ взялся починить его, оснастить и пустить на-воду.

Ботикъ и точно былъ спущенъ, съ мачтой и парусомъ, на рѣку Яузу. Царь катался по рѣкѣ, по Просяному пруду, по озеру Переяславскому, и это ему такъ полюбилось, что онъ рѣшился основать Флотъ, хотя въ то время не владѣлъ еще нигдѣ моремъ, кромѣ Архангельска.

Однако настало для Петра то время, когда Флотъ нашъ, гребной и парусный, не только явился на Азовскимъ и Балтійскомъ моряхъ, но даже былъ главною причиною воинскихъ успѣховъ, особенно противу Шведовъ. По Нейштатскому миру въ 1721 году, Балтійскія губерніи и Финляндія остались на всегда за нами и на завоеванной землѣ процвѣтала уже новая Столица, Петербургъ, а въ гаваняхъ Балтійскихъ спокойно стоялъ нашъ Флотъ. Тогда Царь, вспомнивъ ботикъ на Яузѣ, назвалъ его *дѣдушкою* Русскаго Флота и въ честь ему устроилъ

особое торжество: ботикъ привезенъ былъ въ 1723 году изъ Москвы въ Шлиссельбургъ, тамъ вновь исправленъ, и самъ Царь поплылъ на немъ Невою въ Столицу свою.

У Смольнаго манастыря встрѣтила Его Царица, съ *Невскимъ* гребнымъ флотомъ; спустившись до Троицкоїй Церкви, при пальбѣ и празднествѣ, ботикъ былъ поставленъ подъ особый навѣсъ, на сохраненіе.

Вскорѣ Царь сдѣлалъ большоїй смотръ Кронштадскому флоту, на реїдѣ, всего 19 кораблеї и 4 фрегата, кромѣ множества галеръ и другихъ мелкихъ судовъ. Здѣсь ботикъ или *Дѣдушка* прошелъ подъ штандартомъ вдоль всеїй линіи, при пальбѣ изо всѣхъ пушекъ флота и крѣпостп, при барабанномъ боѣ и музыкѣ и громогласномъ кликѣ ура.

Въ это время гребцами на *Дѣдушкѣ* были четыре флагмана: Адмиралы Сиверсъ, Гордонъ, Сенявинъ и Сандерсъ; Государь стоялъ на рулѣ, а Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ и Адмиралъ Крюйсъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ. Дѣдушка отвѣчалъ на здраствованіе внучатамъ своимъ изъ четырехъ пушченокъ. Все празднество это длилось двои сутки.

Затѣмъ *Дѣдушка* былъ опять привезенъ въ Питеръ и отданъ коменданту на вѣчное сохра-

ненiе. Еще два года сряду, до кончины Государя, ботикъ 30-го Августа былъ спускаемъ для празднества. Императрица Елисавета Петровна возобновила торжество это, но съ 1750 года ботикъ покоился опять подъ навѣсомъ; только въ 1803 году, когда праздновали столѣтiе С. Петербурга, ботикъ поставленъ былъ на возвышенiи, на стопушечномъ кораблѣ Гавpiилъ, по срединѣ Невы супротивъ коннаго памятника Петру Великому.

Въ 1836 году Государю Императору благоугодно было отдать почетъ великому працуру Своему, новымъ торжественнымъ плаванiемъ ботика мимо флота, какого еще до того не бывало на Кронштадтскомъ рейдѣ.

28 Iюня, при салютѣ съ крѣпости, ботикъ спущенъ былъ на Неву, и принятый Адмиралтействъ-Совѣтомъ отъ Коменданта, приведенъ на буксирѣ парохода въ Кронштатъ и введенъ, при салютахъ же, въ военную гавань. 2-го Iюля *Дѣдушку* поставили, при почетномъ карауле, на возвышенное мѣсто, покрытое алымъ сукномъ, на пароходѣ Геркулесъ; 26 линѣйныхъ кораблей, 21 фрегатъ, 10 бриговъ, 2 шкуны, 2 люгера, 2 яхты тендеры — всего 64 вымпела, подъ начальствомъ 84-хъ лѣтняго Адмирала Крона, стояли въ линiи на девяти верстахъ;

Государь, съ Высочайшимъ Семействомъ Своимъ, Дворомъ и иноземными послами, прибылъ на пароходѣ Ижора: тогда Геркулесъ, подъ адмиральскимъ флагомъ, обошелъ всю линію флота, при отданіи ботику чести, съ барабаннымъ боемъ и кликами ура.

Затѣмъ Геркулесъ сталъ на якорь, на ботикѣ поднятъ былъ штандартъ и пальба открылась со всего флота и съ крѣпостей. *Дѣдушка* отвѣтилъ семью выстрѣлами и всѣ корабли расцвѣтились флагами. Государь прибылъ на Геркулесъ и осмотрѣлъ Дѣда Русскаго Флота въ новомъ убранствѣ его; а когда послѣ того Геркулесъ съ ботикомъ стоялъ уже у входа въ гавань и пароходъ Ижора проходилъ мимо, то самъ Императоръ и всѣ особы свиты Его стояли въ почтительномъ положеніи, лицомъ къ ботику. Онъ привезенъ былъ опять въ Петербургъ и сданъ подъ храненіе коменданту, гдѣ поставленъ нынѣ въ особомъ домикѣ, и гдѣ посѣщаютъ его любопытные, покланяясь въ немъ памяти Петра Великаго.

АДМИРАЛЪ КРОНЪ.

Кто не помнитъ бойкаго, веселаго, живаго и почтеннаго Романа Васильевича Крона, который,

прослуживъ болѣе полувѣка на-морѣ, все еще леталъ бѣгомъ на марсъ и салингъ, если марсовые не скоро или не ладно управлялись? Кто не помнитъ адмирала, который бывало, когда чѣмъ недоволенъ, говаривалъ: «Какой это карабъ? Это стыдно для видно; какой это матросъ — кажни человѣкъ ничево не знастъ; это карошо для ничево!» Кто не зналъ Романа Васильевича, котораго всегда укачивало на берегу и который годъ за-годъ порывался въ море, какъ на просторъ — который не выходилъ въ море безъ супруги своей, занимавшейся въ морѣ присмотромъ и уходомъ за больными, а въ военное время перевязкою раненыхъ?

Не меньше того живо преданіе, что Адмиралъ Кронъ, еще въ капитанскихъ чинахъ, взялъ бригомъ Шведскій фрегатъ, а фрегатомъ корабль.

Вступивъ въ службу нашу изъ Англійскаго флота въ 1788 году Лейтенантомъ, Романъ Васильевичъ черезъ недѣлю пожалованъ былъ въ Капитанъ-Лейтенанты и назначенъ командиромъ 22 пушечнаго брига Меркурій. Въ то время началась война со Швеціей и высланный на крейсерство Меркурій въ одно лѣто взялъ до 30-ти непріятельскихъ купецкихъ судовъ.

На слѣдующую весну Романъ Васильевичъ

Кронъ едва успѣлъ выйти въ море на Меркурій, какъ взялъ съ бою, между островомъ Борнгольмомъ и Карлскроною, Шведскій 12 пушечный катеръ Спапопъ съ 60 человѣками экипажа. Затѣмъ эскадра наша изъ двухъ кораблей, двухъ фрегатовъ, и брига Меркурій, отправилась въ Норвегію, чтобы провести оттуда зазимовавшій тамъ на пути изъ Архангельска корабль. Бригъ, для развѣдокъ, держался нѣсколько ближе къ берегамъ и увидѣлъ тутъ на якорѣ Шведскій 44-хъ пушечный фрегатъ Венусъ, который также высланъ былъ на крейсерство, но замѣтивъ 31 Мая эскадру нашу, спустился въ заливъ Христіанія и за островами бросилъ якорь. Капитанъ Кронъ 1-го Іюня подошелъ вплоть къ фрегату, далъ ему продольный залпъ съ брига, и кончилъ тѣмъ, что заставилъ спустить флагъ. На Венусѣ было 300 человѣкъ команды, а на Меркуріѣ 80 человѣкъ; пушекъ, на одномъ 44, на другомъ 22, и еще меньшаго калибра!

Такъ-то имя Меркурій для бриговъ нашихъ роковое и счастливое: въ Балтійскомъ морѣ бригъ этого наименованія отличался въ 1789 году, а на Черномъ морѣ въ 1829, подъ начальствомъ А. И. Казарскаго, какъ разсказано въ книжкѣ этой въ особой статейкѣ.

По возвращеніи съ плѣннымъ фрегатомъ, Кронъ произведенъ былъ во 2-й рангъ, награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса, сдѣланъ командиромъ взятаго имъ фрегата Венусъ и зимовалъ со всей эскадрой нашей въ Ревелѣ.

Весной 1790 года Шведскій флотъ напалъ на нашу Ревельскую эскадру, но потерявъ самъ при этомъ два корабля, долженъ былъ уйти. Затѣмъ Ревельская эскадра, при Адмиралѣ Чичаговѣ, соединилась съ Кронштадтскою, подъ Вице-адмираломъ Крузомъ и обложивъ Шведскій флотъ въ Выборгскомъ заливѣ, заперла его тамъ; а Р. В. Кронъ отряженъ былъ 8 Іюня съ двумя фрегатами и четырмя катерами къ Питкопасу, для поиска надъ мелкою флотиліею Шведовъ. Кронъ взялъ четыре изъ осьми найденныхъ тамъ мелкихъ судовъ; затѣмъ одно сожено самими Шведами, а три успѣли уйти въ глубину шкеръ. 21 Іюня непріятельская флотилія изъ 50-ти судовъ напала на Крона—но послѣ трехчасоваго сраженія, она должна была спѣшно отступить и ушла опять въ шкеры, оставивъ на берегу двѣ свезенныя туда для аттаки пушки; да на побѣгѣ самъ непріятель сжегъ шесть капоперскихъ лодокъ своихъ, которыя были такъ избиты, что не могли за нимъ слѣдовать.

22-го Іюля при общемъ прорывѣ Шведскаго флота, изъ Выборгскаго пролива сквозь флотъ Адмирала Чичагова, Кронъ съ фрегатомъ своимъ атаковалъ сильную гребную флотилію, перетопилъ и разбилъ нѣсколько судовъ; Шведскія капонирскія лодки спускали флаги свои, сдаваясь, и даже подымали Русскіе флаги, но коль скоро Кронъ оставлялъ ихъ, обращаясь на другихъ, то они поспѣшно уходили, подъ веслами и парусами; это и вынудило его не давать пардону, а добивать до конца всѣ перехваченныя имъ лодки. Пустившись затѣмъ въ погоню, вмѣстѣ съ флотомъ нашимъ, за бѣгущимъ непріятельскимъ флотомъ, Кронъ настигъ ночью, въ 11-мъ часу, у острова Гохланда, фрегатъ и заставилъ его спустить флагъ; на бѣду однакоже, въ общей тревогѣ фрегатъ этотъ въ эту же ночь, пользуясь свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ и темпотою, ушелъ.

Продолжая погоню за непріятелемъ, который бѣжалъ къ Свеаборгу (тогда еще Шведскому), Кронъ 23-го Іюля настигъ Шведскій линѣйный 64-хъ пушечный корабль Ретвизанъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе, нѣсколькими удачными выстрѣлами избилъ ему рангоутъ, такъ что замедлилъ ходъ его, потомъ дрался съ нимъ еще часъ-съчетвертью, давъ время подойти спѣ-

шившему на помощь, но отставшему отъ Венуса, кораблю пашему Изяславъ. Тогда Ретвизанъ спустилъ передъ фрегатомъ флагъ. За этотъ подвигъ, Кронъ произведенъ въ Капитаны 1-го ранга и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени.

Такимъ образомъ Р. В. Кронъ взялъ съ бою бригомъ Меркуріи Шведскіи фрегатъ Венусъ, а фрегатомъ Венусъ Шведскіи же линѣйныи корабль Ретвизанъ.

Р. В. Кронъ скончался въ 1841 году, на 88 году отъ роду, полнымъ Адмираломъ, оставивъ по себѣ память отличнаго моряка и воина счастливаго, какъ говорили, на попутные вѣтры. Счастье счастьемъ—а умѣнье пользоваться имъ во всякую минуту, не упуская времени и случая, также чего нибудь да стоитъ. Для этого конечно нужна такая пылкость и рвеніе къ службѣ и морю, какою надѣленъ былъ благородныи, и хотя вспыльчивыи, но справедливыи начальникъ, Адмиралъ Р. В. Кронъ.

ТУРЕЦКІЙ ФЛОТЪ ВЪ 1829 ГОДУ.

Въ продолженіе послѣдней войны нашей съ Турціею, флотъ непріятельскіи держался въ

Босфорѣ, подъ прикрытіемъ сильныхъ крѣпостей Европейскаго и Азіатскаго береговъ пролива. Флотъ этотъ показывался только на самое короткое время въ Черномъ морѣ, будто только для славы, держался къ Анатольскимъ берегамъ и прежде чѣмъ нашъ флотъ, находившійся большею частью у Варны и Сизополя, успѣвалъ подойти къ Босфору,—Турки давно уже стояли въ проливѣ. Они для прогулокъ этихъ выбирали южный вѣтеръ, коимъ могли выйти изъ пролива и воротиться туда, между тѣмъ какъ для насъ вѣтеръ этотъ былъ противный.

Англійскій лейтенатъ Следъ находился гостемъ на Турецкомъ адмиральскомъ кораблѣ, при одной изъ такихъ прогулокъ, и описалъ то что слышалъ и видѣлъ при этомъ случаѣ, такимъ образомъ:

Чтобы попасть на Адмиральскій корабль (Капудана-паши), я проѣхалъ по всей линіи флота: корабли были чисто окрашены, но такелажъ болтался, обвиснувъ слабиной, а поки реевъ торчали туда и сюда. Селиміеръ, прекрасный стопушечный корабль безъ юта, съ краснымъ шелковымъ флагомъ, висѣвшимъ отъ гафеля до воды, окруженъ былъ шлюпками. Пушки его смотрѣли туда и сюда—будто иныя готовились

сбивать непріятельскія брамъ-стеньги, другія топить шлюпки; одпѣ глядѣли къ носу, другія къ кормѣ. Курильщики сидѣли въ портахъ, свѣсивъ поги за бортъ.

Мы взошли: Капуданъ-Паша сидѣлъ развалясь съ трубкой посреди палубы, на тюфякахъ и подушкахъ. Его окружала стража и прислуга разнаго рода, въ пестрой одеждѣ; матросы сидѣли и лежали кучками, при пушкахъ—кто молился, кто завтракалъ, кто игралъ въ шашки. Паша поздоровался съ нами и пригласилъ насъ въ каюту: два офицера подхватили его подъ мышки и повели. Вся толпа пошла за нами.

Каюта была отдѣлана чисто и красиво. Насъ посадили, подали кофе, трубки, шербетъ, опахалами гоняли мухъ. Паша объявилъ, что нынѣ же идетъ въ море, искать Русскій флотъ Слово *искать* удивило меня; въ Стамбулѣ всѣ знали гдѣ стоялъ Русскій флотъ и найти его было бы не мудрено. Паша пригласилъ меня въ свидѣтели на этотъ поискъ и я принялъ это, какъ гость, съ удовольствіемъ.

Я спѣшно отправился на берегъ, чтобы взять кой-что съ собою, но возвращаясь съ горестью увидѣлъ, что нетерпѣливый Паша уже снялся съ якоря. Нѣкоторые корабли шли подъ нижними парусами, другіе подъ брамселями, третьи

подъ стакселями. Вѣтеръ свѣжѣлъ, каикъ нашъ отставалъ; мы были миляхъ въ четырехъ отъ Селиміера и гребцы выбились изъ силъ; но я кричалъ: палягъ! и удвоилъ плату. Мы выгребли до скалъ *Самплегадъ*, насупротивъ Азіатскаго мыса *Калцедонія*—это входъ въ Босфоръ, шириною въ 20 миль. Здѣсь встрѣтила насъ сильная зыбь съ отбоемъ—челнокъ нашъ едва не опрокинуло, гребцы начали молиться... мы были еще миляхъ въ шести отъ флота, который началъ приводить къ вѣтру, но отдалъ марса-фалы—какъ казалось, увидавъ меня. Однакоже гребцы стали поворачивать назадъ, и точно, одна волна могла бы залить нашъ каикъ. Я взялъ въ одну руку пистолетъ, въ другую горсть серебра: гребцы, пожавъ плечами, принялись за весла. Наконецъ мы въ четвертомъ часу достигли Селиміера, пройдя съ утра греблей 38 миль!

Нельзя было пристать за зыбью и волненіемъ и гребцы упрашивали меня воротиться, увѣряя, что каикъ тотчасъ опрокинетъ. Я кричалъ: концы подайте! Къ одному привязалъ я вещи свои и ихъ подняли—за другой самъ ухватился и, выждавъ время, когда каику можно было на гребнѣ волны вытти изподъ меня, рванулся и выскочилъ на палубу. *Аферимъ*! закричали

1882 г

Турки—браво! Я оглянулся—кашъ уже пырялъ между волнами вдалекѣ.

Паша курилъ, сидя на гакабортѣ. *Аферимъ*, сказалъ и онъ мнѣ—какъ васъ не опрокинуло на такой скорлупѣ?—Благостію Божіею, отвѣчалъ я. Великъ Богъ, сказалъ онъ, прошу садиться. Подать трубку. Подняли марсы-фалы, посадили фока-галсъ, такъ что только реи трещалъ, и мы пустились въ Черное море, по девяти узловъ.

Селиміеръ отлично слушался руля и летѣлъ какъ фрегатъ. Какой прекрасный корабль, сказалъ я! Да, отвѣчалъ Паша, по милости Божьей, хорошъ.—Безъ Бога ни до порога, сказалъ я, но вѣдь и мастеру заслуга; кто его строилъ?—Право не знаю, отвѣчалъ адмиралъ. Надо итти къ Русскому флоту, говорилъ я—надо отбить у нихъ Сизополь.—«*Бакалумъ*» посмотри, отвѣчалъ онъ спокойно на все это—*Иншаллахъ*, коли Богу угодно; *Аллахъ-керимъ*, Богъ милостивъ.

Бакалумъ, *Иншаллахъ*, *Аллахъ-керимъ* — вотъ враги Турокъ, говоритъ Англичанинъ Следъ—а я, переводчикъ, прибавлю отъ себя, что и у нашего брата есть такіе же природные непріятели: это *авось*, *небось*, да *какъ нибудь*; Эти непріятели насъ часто губятъ!

Прошедши миль 20, продолжалъ Следъ, при закатѣ солнца, Турки пристально смотрѣли по небосклону на бѣлыя облака, не паруса ли это? Но въ то же время вдругъ на сѣверѣ показался Русскій фрегатъ. Паша велѣлъ сомкнуть линію и взялъ курсъ къ берегу. На совѣтъ мой выслать фрегатъ встрѣчу идущему, Паша ни какъ не согласился.

Наступила ночь; имамы, съ крюсъ-марса каждаго корабля, пріятнымъ напѣвомъ приглашали правовѣрныхъ на молитву. Всѣ палубы въ мигъ покрылись молящимися. Кончивъ молитву, каждый ложился въ повалку, гдѣ кому приходилось; коекъ или постелей не было ни у кого; самъ адмиралъ спалъ въ конурѣ, за бизань-мачтой, куда надо было лѣзть ползкомъ. Вахтенные мурлыкали гнусливые напѣвы; въ полночь, и въ 4 часа утра, двѣнадцать барабановъ вызывали подвахтенныхъ на смѣну. Съ разсвѣтомъ мы были у самаго входа въ Босфоръ: ни одного чужаго судну не было въ виду—и это очень успокоило весь экипажъ. Но у входа встрѣтила насъ шлюпка, съ приказаніемъ Султана, итти въ море. Паша былъ очень недоволенъ, но его утѣшила немного другая шлюпка, которая везла шута пашинскаго и лоцмана, не поспѣвшихъ наканунѣ.

Шутъ вскочилъ на палубу, кувыркомъ по воздуху очутился подлѣ своего повелителя, и поцѣловавъ полу кафтана его, сказалъ: Вотъ какъ перевернется передъ тобою Русскій адмиралъ!

Я велю пригвоздить ухо твое къ дверямъ моей каюты, отвѣчалъ Паша—гдѣ ты шатался?

Тогда дуракъ будетъ подслушивать тайны мудреца—сказалъ шутъ; спроси лоцмана, онъ передъ тобою: не возми онъ меня въ свою лодку, то дураку оставалось развѣ приплыть къ побѣдоносному флоту твоему верхомъ на морской свинкѣ; перевозчики шутокъ не знаютъ, а требуютъ денегъ.

Это былъ намекъ на скупость Паши, который разсмѣялся и заговорилъ о другомъ.

Вышедшая въ море Турецкая эскадра состояла изъ шести кораблей, трехъ фрегатовъ, пяти корветовъ и трехъ бриговъ. Кромѣ Капудана-паши, на эскадрѣ было еще три адмирала. Двое изъ нихъ были храбрые и опытные моряки, которые командовали кораблями подъ Навариномъ. Тамъ, по словамъ ихъ, пала и вся ихъ сила морская, и матросы и офицеры—а остались новобранцы, сволочь. Разсказывая, какъ русскій бригъ Меркурій ушелъ отъ нихъ, одинъ изъ адмираловъ, Капуданъ-бей, бѣсился и говорилъ: «Заяцъ былъ въ моихъ рукахъ

—но псы мои сами испугались своего лая! Первое ядро брига отбило ихъ отъ орудій и они отступились!»

Сдѣлали ученье съ пальбой, которое Паша поручилъ мнѣ. Толпа въ 1400 человѣкъ бросалась кучками туда и сюда—не было никакой возможности сладить съ нею и вразумить ее. Комендоры каждый разъ позабывали затыкать запалъ и стрѣляли безъ прицѣла. Пальники стояли по палубѣ гдѣ и какъ попало, кадокъ для этого не было. Въ числѣ 120-ти орудій на Селиміерѣ, было нѣсколько пушекъ 110-ти фунтовыхъ, съ огромными каменными ядрами. При этихъ орудіяхъ состояли особые бомбардиры. Я велѣлъ выстрѣлить изъ одного, а самъ отошелъ было къ носовымъ портамъ, чтобы видѣть полетъ ядра: оглянулся—никого нѣтъ около пушки, всѣ бѣжали, подымаясь по трапу изъ палубы и подхватывая на бѣгу мотню шароваръ. Боялись, что пушку разорветъ. Я не хотѣлъ отступить отъ приказанія и вынужденъ былъ самъ приложить пальникъ.

На другой день я хотѣлъ осмотрѣть крютъ-камеру. Вы увидите ее, сказалъ Паша, когда мы вступимъ въ сраженіе. Тогда будетъ поздно—отвѣчалъ я. Подумавъ, онъ сказалъ: Хорошо, съ Богомъ, но порохъ вещь опасная. И

въ самомъ дѣлѣ опасная—особенно на Турецкомъ кораблѣ: огней не только не гасили при этомъ, но меня провожали четыре простыхъ фонаря, а въ крютъ-камерѣ, гдѣ порохъ былъ повсюду разсыпанъ, и картузы лежали кучами и подавались къ заряду безъ кокоръ, хотѣли еще вынуть свѣчи изъ фонарей, чтобы мнѣ лучше видѣть этотъ прекрасный порядокъ. Не понимаю, какъ не всѣ Турецкіе корабли сами себя подымаютъ на воздухъ.

Главное строгое требованіе Турецкаго адмирала было, чтобы всѣ корабли жались тѣснѣе и держали линію; да чтобы люди дневали и ночевали безотходно у пушекъ. Прислуга каждаго орудія составляла артель, которая сидѣла тутъ на коврѣ или войлочкѣ, пила кофе и курила трубки. Для этого въ каждомъ декѣ было по двѣ кофейни, гдѣ варили и жарили день и ночь. Все сидѣло или лежало весь день въ повалку, и Турки не могли надивиться мнѣ, что я, котораго никто не погонялъ хлыстомъ или палкой, весь день ходилъ по кораблю; а когда я однажды полѣзъ на салингъ, чтобы высмотрѣть показавшееся издали судно, то вся команда высыпала на палубу, чтобы посмотрѣть на такое чудо.

Понадобилось взять рифы: для этого съ каждаго нока марса-рея человѣкъ спускался по шка-

торинѣ марселя и съ большимъ трудомъ продѣвалъ штыкъ-болтъ въ люферсъ, въ которомъ небыло желѣзнаго коуша. Впрочемъ, работы шли изрядно. Я хотѣлъ вразумить Турокъ, но мнѣ отвѣчали, что такъ водилось всегда, и желѣзнаго коуша не нужно.

При лавировкѣ, эскадра всегда поворачивала послѣдовательно, т. е. одинъ корабль за другимъ; поэтому почью, идучи разными галсами, корабли нерѣдко сваливались. Два несчастные корвета, между прочимъ, столкнулись такъ, что съ трудомъ доплелись послѣ до Босфора, а въ Стамбулѣ все переполошилось, полагая что весь флотъ разбитъ Русскими и остались всего только два обломанныхъ корвета.

Эти ломки надоѣли Пашѣ и онъ просилъ моего совѣта. Я предложилъ, чтобы вся эскадра поворачивала ночью вдругъ: это ему понравилось и онъ велѣлъ было мнѣ внести маневръ этотъ въ число сигналовъ; но обдумавъ дѣло, онъ часа черезъ два прислалъ за мною и съ важностью объявилъ, что не можетъ согласиться на мою выдумку. Я увѣрилъ его, что это вовсе не моя выдумка—но спросилъ, почему?— Потому, сказалъ Паша, что тогда разстроится линія. Противъ этого нечего было сказать.

На шестой день мы заштилѣли, и страхъ

былъ великъ, чтобы Русскій флотъ не отрѣзалъ насъ отъ Босфора. Я предложилъ итти въ Сизополь, Варну, даже въ Севастополь, раззорить и сжечь что можно, и воротится. Паша собралъ флагмановъ и командировъ для совѣта. Совѣтъ рѣшилъ, что предложеніе мое негодится. Я махнулъ рукой и поѣхалъ съ Нурей-беемъ, командиромъ фрегата, обѣдать.

Фрегатъ этотъ, какъ всѣ суда Турецкія, былъ очень чистъ и опрятенъ; Турки моютъ палубы ежедневно и притомъ у нихъ вовсе нѣтъ привычки плевать. Я наѣздникъ, говоритъ Нурей-бей, и до назначенія меня командиромъ на фрегатъ, ни въ морѣ, ни даже на судиѣ никогда не бывалъ. Вообще командиры Турецкихъ судовъ, вовсе не зная дѣла, сидятъ за кофе и за трубкой, предоставляя офицерамъ полное распоряженіе; если ихъ во время работъ что нибудь обезпокоитъ, то такой командиръ вскакиваетъ и отколотивъ чубукомъ или рупоромъ первыхъ двухъ или трехъ человѣкъ, кто попадется, опять садится на свое мѣсто и берется за трубку.

Однажды Капуданъ-паша спросилъ меня, не хочу ли я видѣть сухопутную силу его, которая была также на кораблѣ, чего я дотолѣ и не зналъ, и тотчасъ же шесть жалкихъ солдатъ, съ барабанщикомъ и флейщикомъ явились пе-

редъ нами. Они стали дѣлать ружейные пріемы и шутъ пашинскій, схвативъ чубукъ, сталъ ихъ передразнивать. Всѣ хохотали, и сами солдаты, и Паша и зрители,

Въ другой разъ я вышелъ чуть свѣтъ на палубу: мы несли бомъ-брамсели, реи были кой-какъ обрасоплены, команда и всѣ вахтенные спали, и сподвѣтра угрожалъ шквалъ. Я разбудилъ вахтеннаго офицера, который простодушно спросилъ: «Да чтоже теперь дѣлать?»— Толковать было некогда; я спѣшилъ убрать паруса, обрасопить реи и едва справился, какъ жестокій шквалъ разметалъ весь флотъ. Паша съ безпокойствомъ вылѣзъ изъ каюры своей; я подошелъ къ нему и сказавъ, что даже нижніе порты всѣ на-ночь оставались не закрытыми, прибавилъ: «Если впередъ мы будемъ такъ безпечны, то легко можетъ случиться, что уснувъ спокойно на этомъ свѣтѣ, нечаянно проснемся на томъ.» Я не успѣлъ оглянуться, какъ вахтеннаго офицера схватили, чтобы, по приказанію Паши, выкинуть за бортъ. Съ трудомъ я остановилъ казнь эту и успокоилъ разгнѣваннаго Пашу.

Русскіе фрегаты въ теченіе десяти дней были постоянно въ виду. Наконецъ я уговорилъ Пашу послать на нихъ погоню. Послали фрегатъ

и корветъ; мы шли подъ малыми парусами и ничѣмъ не могъ я убѣдить адмирала итти на прекрасномъ кораблѣ своемъ самому въ погоню. Онъ боялся Русскихъ какъ пугала, и вся команда также.

Наступила ночь. Одинъ корабль, флагманъ Реалъ-бей, упалъ далеко подъ вѣтеръ и не хотѣлъ прибавлять парусовъ. Паша былъ въ нерѣшимости строить ли опять линію по этому кораблю, или лечь въ дрейфъ и выждать его. И это все дѣлалось при погонѣ за непріятелемъ? Стали совѣтоваться: одни говорили, что ночью строиться опасно, можно свалиться; другіе, зная слабость Паши, полагали, что всего важнѣе выстроиться въ одну линію, шутъ утверждалъ, что если мы только начнемъ спускаться, то конечно нельзя будетъ остановить ни одного корабля, до самаго входа въ Босфоръ; буфетчикъ замѣтилъ, что ночью вообще мудрено что нибудь сдѣлать; главный чубушникъ опасался за здоровье Паши, а самъ Паша, измоченный дождемъ, бѣгалъ въ сердцахъ и нерѣшимости взадъ и впередъ по шкафутамъ, съ трубкой въ одной рукѣ, съ рупоромъ въ другой, кашлялъ, сердился и не зналъ что начать. Наконецъ явился главный поваръ и также началъ разсуждать. Вышедъ изъ терпѣнія, я взялъ его

за оба плеча, повернулъ и оттолкнулъ; шутъ расхохотался, капитанъ тихонько пожалъ мнѣ руку, поваръ бранился. Наконецъ отправили тендеръ со строгимъ приказаніемъ къ Реалъбею прибавить парусовъ, и въ одиннадцатомъ часу линія была выстроена и всѣ корабли несли огонь.

Порывистые шквалы стали усиливаться; встревоженный Паша просилъ меня обойти весь корабль и осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Въ декахъ было великолѣпное освѣщеніе, вся команда сидѣла по пушкамъ—но вездѣ встрѣчали меня просьбою, присовѣтовать Пашѣ спуститься къ Босфору. Утомившись, я прилегъ въ каютѣ на часокъ уснуть; вдругъ просыпаюсь отъ шума воды мимо борта..... бѣгу на верхъ, и вижу что мы летимъ въ полный бакштагъ по 12-ти узловъ!!

Я не сказалъ ни слова—говорить было поздно. Мы пролетѣли Босфоръ въ туманѣ и съ такою скоростію, что я увѣренъ, будь это Русскій флотъ, онъ проскочилъ бы мимо всѣхъ береговыхъ батарей также благополучно, какъ и мы. Въ Буюкдере вся эскадра въ удивительномъ порядкѣ, въ одну линію, бросила якорь. Всѣ суда заняли обычныя свои мѣста.

Капуданъ-Паша донесъ Султану, что под-

ходилъ на видъ Сизополя и загнавъ Русскій флотъ въ свои порты, остался повелителемъ Чернаго моря. Весь Стамбулъ говорилъ: Великъ Богъ? И праздновалъ побѣду своего флота.

ЗАКЛАДЪ.

Англичанинъ—спорщикъ, охотникъ до закладовъ и притомъ отличный пловецъ—прибылъ во Францію, на людей посмотрѣть и себя показать. Переѣхавъ проливъ и остановившись въ гостинницѣ въ Кале, онъ тотчасъ же сталъ распрашивать, какіе въ этомъ приморскомъ городѣ есть извѣстные пловцы и водолазы. Ему назвали нѣсколькихъ человѣкъ; онъ освѣдомился кто и гдѣ они, сказавъ, что желалъ бы съ ними познакомиться.

Англичанинъ пошелъ пройтись по городу, а хозяинъ гостинницы и нѣсколько дармоѣдовъ, занимающихся тѣмъ чтобы ловить на удочку богатыхъ проѣзжихъ Англичанъ, стали распрашивать служителя пріѣзжаго гостя и узнавъ все что имъ нужно, то есть что онъ богатъ, чудакъ, спорщикъ, охотникъ до закладовъ и что ему нѣтъ ровни въ искусствѣ плавать и нырять—тотчасъ разгласили объ этомъ по городу

Не успѣлъ онъ воротиться въ гостинницу, какъ къ нему уже явился скорый и бойкій Французъ, сказывавшій о себѣ, что онъ первый пловецъ и водолазъ во всей Франціи. А, сказалъ Англичанинъ, а я не послѣдній въ своемъ отечествѣ; стало быть намъ не стыдно потягаться?—

Я готовъ, извольте назначить часъ, мѣсто и условія.

Часъ—сказалъ Англичанинъ—хоть завтра съ разсвѣтомъ; мѣсто—да вотъ взморье, у пристани; а условія—тысяча фунтовъ (на наши деньги 6 тысячъ цѣлковыхъ).

Ударили по рукамъ, пробесѣдовали дружно вечеръ, запили условія и положили плыть вдоль берега, покуда одинъ изъ двухъ выбившись изъ силъ откажется.

Англичанинъ выходитъ въ назначенный часъ на берегъ, готовый кинуться въ море, и видитъ, что бойкій противникъ его ужъ тутъ и также готовъ, но тащитъ съ собоій какоій-то огромный мѣшокъ. Это что значитъ, спросилъ Англичанинъ, который хотѣлъ пуститься въ море какъ мать на свѣтъ родила и безъ всякихъ припасовъ.

А это моя дорожная сума съ харчами, сказалъ Французъ; тутъ хлѣбца не много, сыру,

ветчинки, баклага съ водой,—вѣдь воду по которой мы поплывемъ пить нельзя—да еще три бутылочки вина, для подкрѣпленія силъ.

Къ чему же это, куда?

Какъ къ чему! Да развѣ вы хотите меня уморить голодомъ? Этого въ уговорѣ не было!

Я полагалъ, что достаточно будетъ закусить на берегу, и пообѣдать по окончаніи дѣла?

Благодарю покорно, я не намѣренъ во все время постничать.

Да на сколько же времени вы собираетесь въ походъ? спросилъ озадаченный Англичанинъ.

Не знаю; какъ сила возметъ; я бывало сутки по трои и по четыре держался; я беру харчей на недѣлю. Говорится: ѣдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю.

Англичанинъ, не говоря ни слова, поклонился и доставъ 6000 цѣлковыхъ отдалъ ихъ Французу, раскланялся и отправился домой.

Такимъ образомъ балагуръ Французъ получилъ закладъ, а еще никому не было извѣстно, умѣлъ ли онъ плавать!

ТРИ СУПОСТАТА.

Не знаю правда ли, а говорятъ, будто нашего брата Русака подъ часъ одолѣваютъ три

супостата прирожденные: *авось*, *небось*, да *какъ нибудь*. Есть и пословица, сложенная на этотъ ладъ: Русскій-де человѣкъ на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось, да какъ нибудь.

Поклепъ это, какъ я полагаю, и Русскій человѣкъ такому грѣху не причастенъ. Мало ли что врутъ; вѣдь говорится-же и такая пословица: Бей Русскаго, часы сдѣлаетъ! Такъ будто это и правда? Говорятъ же: мужикъ глупѣе вороны, и хитрѣе чорта—такъ будто это и правда?

Однако, съ чего нибудь да берутся такія рѣчи; отъ слова не сбудется; но слово-то съ чего нибудь да взялось; съ вѣтру только губы смякнутъ.

Когда идешь на худое дѣло—не говори авось; вотъ тутъ-то супостатъ этотъ и обманетъ. Не думай авось пройдетъ, авось не увидятъ, не узнаютъ—спохватишься шапки, когда головы не станетъ: авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ. А коли путное, молодецкое дѣло не умѣ, тогда пускайся смѣло на авось; тутъ оно рѣдко тебя выдастъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Когда худое на умѣ—не говори небось; безпутному дѣлу небось плохая подмога: авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ.

Стыдно тебѣ станетъ, коли храбрость твоя пойдетъ на худое, да еще и удачи не будетъ: небось тебя выдастъ, какъ пить дастъ. А послѣ плохо, самъ знаешь: кайка-то есть, да воротьки-то нѣтъ! А коли закричатъ: охотнички за мной! Тогда, перекрестясь, говори небось, и пошелъ.

Третій недругъ нашъ, какъ-нибудь, это мужикъ поскопная борода; онъ ни куда не годится. Сдѣлать дѣло какъ нибудь—наскрести на свой на хребетъ, ужъ это не только на путное дѣло не годится, а что бы ни взялъ въ голову либо въ руки, все дѣлай не по концу пальцевъ, не такъ чтобы съ рукъ долой, а съ ногъ хоть собаки тащи—а дѣлай такъ, чтобы работа мастера хвалила. Говорится, что дѣло мастера боится, а иной мастеръ дѣла боится, и вотъ такимъ-то мастеромъ, который дѣла боится, не слѣдуетъ быть никому. Какъ нибудь лапоть плетутъ, да и то концы хоронятъ, безъ этого нельзя. Какъ нибудь хотѣлъ мужикъ мужика въ шею ударить, да свернулъ себѣ большой палецъ: и тутъ безъ сноровки нельзя. Какъ нибудь тетерка шагаетъ, такъ за то въ осилъ попадаетъ; безъ оглядки не ходи. Сдѣлаешь какъ нибудь, такъ никакъ не будетъ, а будетъ хуже того, что и вовсе не сдѣлано.

Намъ,—говорятъ хорошіе мастера,—лишь бы мѣрку снять, да задатокъ взять; тѣсные сапоги разносятся, а просторные ссядутся—такова наша работа!

А добрые люди отвѣчаютъ на это: Не потрафлено, такъ прикинуто—и носи самъ; не умѣлъ играть комомъ—поиграй желвачкомъ. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ.

Такъ изъ трехъ свай этихъ, ребята, одна вовсе никуда негодится—ее надо покинуть въ землѣ, на класть угла на нее, а пусть она себѣ безъ помину пропадаетъ: этой третьей сваѣ кличка:—*какъ нибудь*. А о двухъ первыхъ,—которымъ кличка авось, да небось, можно молвить такъ: Вѣдь на авось мужикъ и хлѣбъ сѣетъ; коли дѣло таково, что рука не дрогнетъ перекреститься—то съ Богомъ, бери на авось и вѣруй въ небось, а коли нѣтъ—такъ брось.

ПЛѢНЪ И ПОБѢГЪ.

Въ 1807 году Капитанъ В. М. Головнинъ, извѣстный послѣ плѣномъ своимъ у Японцевъ, отправился на шлюпѣ Діана въ кругосвѣтное путешествіе. Это было первое на судиѣ Рус-

ской постройки; шлюпы Надежда и Нева уже прежде этого, подъ начальствомъ И. Ѳ. Крузенштерна, первые подъ Русскимъ флагомъ обашли вокругъ свѣта—но эти два судна куплены были въ Англіи.

Экипажъ Діаны былъ отборный; офицеры избраны были отличные; вооруженіе, запасы и всѣ принадлежности изготовлены и устроены были съ особенною заботливостію и знаніемъ дѣла.

Не задолго до выхода шлюпа изъ Кронштата, Государь вынужденъ былъ заключить миръ съ Наполеономъ — миръ не прочный, но коій-какъ державшійся до 1812 года миролюбіемъ Царя нашего, который не хотѣлъ войны. Этотъ миръ не полюбился Англичанамъ, которые были и оставались въ ссорѣ съ Французами и хотѣли принудить къ тому же другихъ. Отъ этого вышла у насъ съ ними размолвка.

Приплывши въ Англію и запасшись тамъ еще чѣмъ нужно было, В. М. Головнинъ, видя что дѣло между Англіей и Россіей можетъ дойти до разрыва, сталъ хлопотать о выдачѣ ему отъ Англійскаго Правительства свободнаго паспорта, какіе выдаются судамъ, идущимъ за ученными розысками въ дальній и многолѣтній путь. Эти паспорты заведено выдавать разными Государ-

ствами, на случаї объявленія войны послѣ отбытія судовъ, въ томъ именно уваженіи, что такія суда, хотя и военныя, но отправлены не для войны, а для ученыхъ розысковъ на общую пользу.

Паспортъ и былъ выданъ — но на бѣду въ тотъ самый день, когда объявлена была между Россіею и Англіею война. Діана отправились и по необходимости зашла на мысъ Доброй-Надежды. Здѣсь стояла Англійская эскадра и Адмиралъ ея объявилъ, что не можетъ отпустить нашего шлюпа, а долженъ его задержать, до полученія изъ Англіи приказаній. Какъ ни горько, а надо было покориться силѣ.

Проходитъ одинъ мѣсяцъ за другимъ, наконецъ и цѣлый годъ — а Англичане все еще держатъ шлюпъ нашъ, будто бы не получая изъ Англіи приказанія. У Капитана уже почти не доставало средствъ содержать и продовольствовать команду; Англичане ему не только не отказывали ни въ чемъ и никакой помощи, но напротивъ, старались всячески притѣснять, чтобы присудить отдаться добровольно въ ихъ руки: то требовали они, чтобы матросы наши высылались для работъ на Англійскія суда — въ чемъ однакоже Головнинъ отказалъ на от-

рѣзъ — то грозили свезти команду нашу на берегъ и приставить къ шлюпу свой караулъ.

Видя, что положеніе его со дня на день становится хуже и что добра ожидать нельзя, Командиръ Діаны рѣшился выручить команду и судно и уйти изъ залива при первомъ удобномъ случаѣ. Дѣло это было весьма трудное: Діану поставили въ самой глубинѣ, въ углу залива, подлѣ Англійскаго адмиральскаго корабля и окружили многими другими кораблями и фрегатами, мимо которыхъ надо было проходить. Кромѣ того, всѣ паруса были отвязаны и нельзя было привязать ихъ въ глазахъ Англичанъ; провизіи свѣжей не было вовсе, а сухарей очень мало — за годъ всѣ съѣли — и заготовить ихъ также нельзя было, при наблюденіи непріятеля.

Головнинъ нарочно выѣзжалъ много разъ на шлюпкѣ изъ залива, наблюдая различіе вѣтровъ, которые въ самомъ заливѣ и въ открытомъ морѣ стояли всегда разные. Такимъ образомъ онъ узналъ, какого вѣтра ожидать въ морѣ, при такомъ-то вѣтрѣ въ бухтѣ, и, соображаясь съ этимъ, готовился. Съ большою осторожностію перевезли понемногу самый небольшой запасъ харчей и воды и, подготовивъ въ палубѣ паруса для привязки, ждали по ночамъ попутнаго вѣтру.

Въ половинѣ Мая 1808 года, ночью, задулъ очень свѣжій NW; Англійская эскадра чинилась, отдыхала и исправлялась еще къ выходу въ море; но телеграфомъ дано было знать съ вечера, что два судна идутъ съ моря: ихъ то всего болѣе надо было опасаться. В. М. Головнинъ надѣялся на темную и бурную ночь и на расторопную команду свою. Терять время было нечего; надо было рѣшиться; годичная неволя всѣмъ такъ надоѣла, что всѣ готовы были на отчаянное спасеніе.

Какъ только смерклось, на Діанѣ привязали въ тихомолку штормовые стакселя — другихъ парусовъ нельзя было привязать скрытно; тутъ нашелъ шквалъ и Командиръ, велѣвъ обрубить канатъ, поворотился на шпрингѣ и, поднявъ стакселя, пошелъ. Въ туже минуту замѣчена была тревога на ближайшемъ Англійскомъ суднѣ, откол ѣ и закричали въ рупоръ адмиральскому кораблю, что Русскій шлюпъ уходитъ.

На Діанѣ была тишина: никто не смѣлъ громко говорить, не только кричать. Миновавъ всѣ суда, она пустилась въ проходъ изъ бухты и въ тоже время бросились подымать брамстеньги, привязывать паруса: всѣ офицеры, гардемарины и унтера работали внизу, на реяхъ и марсахъ.

Не смотря на усилившійся вѣтеръ, дождь и темноту, въ два часа успѣли привязать фокъ и марселя и поставить ихъ, также вытрѣлили брамъ-стеньги, подняли брамъ-реи, поставили брамселя, подняли на мѣста лисель-спирты, изготовили къ подъему лисели; такъ, что если бы только вѣтеръ позволилъ, то и они были бы поставлены.

Въ десять часовъ Діана была уже въ открытомъ морѣ и Англичане въ погоню за нею не поспѣли; такимъ образомъ кончился плѣнъ Діаны на мысѣ Доброй Надежды, продолжавшійся годъ и 25 дней.

Уменьшивъ порцію, пустившись далѣе на югъ и далѣе отъ всѣхъ острововъ и береговъ, остерегаясь всякой встрѣчи и обогнувъ Новую Голландію, Діана во весь путь пристала къ одному только островку, лежащему въ сторонѣ отъ всякаго пути, и за тѣмъ отправилась прямымъ путемъ и пришла благополучно 23-го Сентября 1810 года въ Камчатку.

КРИВОТОЛКЪ.

Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ! Такъ говорятъ люди въ оправданіе неправды своей. Но

это кривотолкъ: пословица эта не для того сложена, чтобы разрѣшить насъ во лжи и неправдѣ; пословица эта сложена въ духѣ смиренія и кротости, она говоритъ тоже, что: одинъ Богъ безъ грѣха, бабинъ сынъ не безъ грѣха; она сложена для того, чтобы мы прощали другъ друга, а не сами собя. Если товарищъ обидѣлъ или облгалъ меня и покаялся, то я прощаю его, говоря: Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ; Богъ съ тобой, не обижай впередь никого, а обидишь, повинись.

А кто прилагаетъ эту пословицу къ себѣ, тотъ, какъ журавль, межи не знаетъ, а черезъ шагаетъ; онъ говоритъ еще; живутъ же люди неправдой — такъ и намъ не лопнуть стать. Вотъ какъ одинъ кривотолкъ доводитъ до другаго! И эту пословицу сложили люди на смѣхъ и стыдъ тѣмъ, которые живутъ въ неправдѣ — а эти обрадовались ей, да и приняли, словно прямое и путное слово. Вѣдь сказалъ же цыганъ, что краденая кобыла невпримѣръ дешевле купленной приходится, такъ для чего бы намъ и не воровать! — Говорятъ: кто укралъ, на томъ одинъ грѣхъ; а у кого украли, на томъ десять. Къ чему это сказано? Къ тому, чтобы стереглись люди отъ поклепу; кого обокрали, тотъ клеплетъ въ бѣдахъ и сердцахъ всякаго

и конечно грѣшитъ этимъ; а мнѣ случалось слышать, что воръ примѣнялъ кривотолкомъ пословицу эту къ себѣ и говорилъ: на мнѣ меньше грѣха, чѣмъ на томъ, кого я обокралъ!

Къ доброму мостись, отъ худаго пяться; ищи добра, а худое само придетъ. Дѣй добро, и жди добра: лучше самъ потерпи, а другаго не обидь; легче быть въ обидѣ, чѣмъ обидчикомъ. Добрымъ путемъ Богъ правитъ. Намъ добро никому не зло—то законное житье.

ПАРОХОДЪ АМАЗОНКА.

Сколько ни толкуй людямъ, что въ несчастныхъ случаяхъ гибели на морѣ, суета и безпорядокъ первый губитель—а все неймется! Трудно въ такое время быть при себѣ, въ полной памяти и спокойствіи духа—да нельзя безъ этого; за это мы нерѣдко дорого приплачиваемся.

Отчего замѣчено, что при крушеніи купецкихъ и промысловыхъ судовъ, а также перевозныхъ, погибаетъ гораздо болѣе людей, чѣмъ при крушеніи военныхъ судовъ?—Оттого, конечно, что тутъ болѣе порядка и послушанія, а тамъ нѣтъ ни того, ни другаго.

Большой, прекрасный и новый Англійскій пароходъ Амазонка, пакетботъ или перевозное судно, отправилось изъ Англіи въ началѣ 1852 года, въ Америку (Западную Индію), съ полуторы сотнями путниковъ. Дня черезъ три, когда пароходъ былъ уже давно въ открытомъ морѣ, въ часъ по полудни закричали пожаръ! Одно несчастное и неосторожное слово это въ минуту произвело такую тревогу на пароходѣ, что люди бросались въ тѣснотѣ туда и сюда, съ воплемъ и крикомъ, сбивая другъ друга съ ногъ и не разсуждая, что этимъ можно только развѣ погубить себя, а не спасти.

Огонь показался съ правой стороны, на кубрикѣ или въ трюмѣ, и тотчасъ дымомъ завалило всю палубу; въ ту же минуту почти пламя пробилось и въ машинную. Шкиперъ выскочилъ полуодѣтый, сталъ распоряжаться — матросы принялись за дѣло, всѣ помпы пущены были въ ходъ; но пассажиры много мѣшали, увеличивая крикомъ и воемъ своимъ общій страхъ, а также бросившись самовольно къ гребнымъ судамъ, чѣмъ прочіе еще болѣе были напуганы, опасаясь, что суда будутъ нечаянно захвачены; другіе бросились отымать суда, третьи старались не допустить ни тѣхъ ни другихъ, и все это увеличивало страхъ и безпорядокъ.

Вскорѣ огонь одолѣлъ команду, такъ что принуждены были отступиться. Шкиперъ тотчасъ началъ спускать гребныя суда, которыхъ было на пароходѣ столько, что они легко могли поднять всю команду и пассажировъ; но страхъ отнялъ у нихъ всякое послушаніе и даже разумъ: толпами бросились они къ гребнымъ судамъ на боканцахъ, на кожухи, спускали и сбрасывали ихъ безъ всякой осторожности, безъ толку и порядка, не слушаясь никого, кидались въ нихъ толпами же, а какъ ѐще на бѣду волненіе было велико, то перегруженныя шлюпки, почти ни кѣмъ не управляемыя, опрокидывались и тонули одна за другою, и народъ тонулъ десятками.

Одинъ изъ спасительныхъ ботовъ уцѣлѣлъ; имъ овладѣли толковые матросы и спасли на немъ изъ воды до 20 человѣкъ. Прочіе едвали не всѣ погибли. Черезъ полчаса мачты и палубы подгорѣвъ обрушились, а чрезъ часъ остатки взорвало на воздухъ. На другоій или третіій день ботъ съ народомъ встрѣтилъ и спасъ Англіійскій же купецъ, на бригѣ Маредонъ. Спасшіеся утверждали всѣ, что 146 товарищеій ихъ погибли только отъ суеты, безтолочи и своевольства, обезпамятѣвъ въ страхѣ и не слушая ни приказаніій, ни просьбъ, ни даже наставле-

ній и совѣтовъ для собственнаго ихъ спасенія.

АКУЛА.

Акула, или какъ ее иногда называютъ: шарка,—также Іонинъ-китъ,—это самый злой и кровожадный звѣрь, изъ всѣхъ жителей морской глубины. Настоящая акула бываетъ до двухъ и даже трехъ саженъ длины; пасть у нея подъ исподомъ головы, какъ бы у нашего осетра, но только не такая: акула глотаетъ чуть не по пуду мяса вдругъ; вотъ разсказъ моряка, бывшаго свидѣтелемъ поимки огромной акулы:

«Мы плыли у Африканскихъ береговъ; матросы увидѣли акулу, которая долго держалась за кормой, будто ждала подачки, и просила позволенія потѣшиться: съ гика спустили черезъ блокъ толстый лопарь, на который навязанна была цѣпь съ острымъ крюкомъ и большимъ кускомъ мяса. Акула подошла къ примапкѣ и отстала опять; но въ то самое время, когда думали что она вовсе отказывается отъ закуски, она кинулась на нее стрѣлой и повернувшись въ полъ-

оборота навзничь — потому что пасть у нея снизу — проглотила и мясо и крюкъ и съ четверть аршина самой цѣпи.

«Матросы съ крикомъ ура ухватились за лопарь, но акула съ такою лютостію бросалась изъ стороны въ сторону, что гикъ, а съ нимъ и весь ютъ вздрагивалъ; надо было обождать и дать звѣрю уходиться. Онъ бросался отвѣсно въ глубину и, засаживая себѣ крюкъ еще глубже въ тѣло, вдругъ останавливался, рванувъ цѣпь такъ, что гикъ дрожалъ и покачивался; боялись, чтобы толстый стропъ отъ блока не оборвался и закрѣпили конецъ лопаря за кнехтъ у бизань-мачты; потомъ акула пустила слабину и вдругъ опять метнулась въ сторону и пошла ходить на кругахъ, подергивая цѣпь туда и сюда. Наконецъ она утомилась; тогда стали ее тодымать и послали расторопнаго матроса на гикъ, съ петлей въ удавку, чтобы подвести ее снизу и накинуть на акулу съ хвоста.

«Между тѣмъ она, будучи подвѣшена за крюкъ, отрывисто вздрагивала, изгибалась и хлестала плескомъ; темная кровь лилась у нея изъ пасти, въ которой видны были по временамъ нѣсколько рядовъ острыхъ, треугольныхъ зубовъ, точно будто бы поставлено было рядомъ, одна за другою, нѣсколько крупныхъ пилъ.

«Проморивъ ее тутъ на вѣсу часа два, наконецъ рѣшились вытащить на ютъ: но только что она послышала подъ собою опору, какъ начала хлестать и метаться во всѣ стороны, такъ что нельзя было приступиться. Съ трудомъ ее добили и недовѣряя смерти этого опаснаго и живучаго звѣря, напередъ всего отрубили ему голову, а потомъ уже распазили. Въ 1828 году Готье, командиръ Французскаго корабля, также поймалъ акулу, и считая ее уже давно мертвою — потому что она была разрублена и распажена — хотѣлъ разсмотрѣть пасть и четыре ряда зубовъ ея. Не успѣлъ онъ всунуть неосторожно руку въ страшную пасть эту, и раскрыть ее, какъ она судорожно сомкнулась и всѣ пальцы съ половиною кисти руки Капитана Готье, какъ отсѣченные самымъ острымъ топоромъ, остались въ закрытой пасти».

Мясо акулы ѣдятъ, но оно жестко. У нея пасть далеко отнесена отъ носу, подъ исподъ головы, и распорота поперегъ, дугой. Это самая прожорливая тварь, которая у неосторожныхъ купальщиковъ не рѣдко отхватываетъ какъ ножемъ руку или ногу.

Весьма замѣчательно, что передъ акулою всегда плаваетъ быстрая, маленькая рыбка, называемая лоцманомъ; иногда ихъ бываетъ двѣ,

три, но всегда онѣ играя взадъ и впередъ и около чудовища, какъ будто состоятъ при немъ для прислуги на посылкахъ и никогда его не покидаютъ. Говорятъ, что рыбка эта живетъ пометомъ акулы, а потому и не отходитъ отъ нея.

1882 г.

ВСТРѢЧА МОРСКАГО ЦАРЯ.

Почти у всѣхъ Европейскихъ народовъ заведено праздновать въ морѣ день перехода судна черезъ экваторъ или равноденственный кругъ: это самая срединная полоса Земнаго Шара; средина жаркаго пояса. При этомъ поздравляютъ, а иногда и купаютъ или окачиваютъ водою тѣхъ, кто въ первый разъ переходитъ изъ сѣвѣрнаго полушарія въ южное. Распоряжается всѣми затѣями обыкновено первый мазопекъ и проказникъ между матросами, которому командиръ дозволяетъ явиться на шканцы въ нарядѣ морскаго царя, или дѣдушки-водянаго.

Первое Русское судно перешло экваторъ 1803 года 26-го Ноября, подъ командой Капитана И. Ѳ. Крузенштерна. Одинъ только Командиръ до этого бывалъ уже въ южномъ полушаріи;

остальные всѣ были новички. Должность дѣдушки-водянаго, который въ пеньковомъ парикѣ и тулупѣ наизнанку вышелъ встрѣчать гостей своихъ, поручена была матросу Павлу Курганову. Онъ явился съ острогой или трезубцемъ, красно балагурилъ, много насказалъ о чудесахъ жаркихъ странъ и выпросилъ у Командира по чаркѣ вина на команду, такъ какъ у его самаго для потчиванья и угощенія дорогихъ гостей не было никакихъ запасовъ, кромѣ морской соленой воды. Этою водою онъ и окатилъ, на угощеніи, всю команду. Обыкновенно все это дѣлается такъ:

Получивъ тайкомъ позволеніе Командира потѣшиться, морской-царь засылаетъ гонца, передоваго, разубраннаго флагдукомъ и расписаннаго въ лицѣ сажей и мѣломъ. Гонецъ этотъ иногда ходитъ на деревяшкѣ или на костыляхъ и торопится въ припрыжку изподъ бака на ютъ. По слову: милости просимъ—выползаетъ изъ форъ-люка самъ морской-царь, подъ вывороченнымъ тулупомъ, въ шутовской шапкѣ, съ острогою въ одной рукѣ и съ кузнечнымъ мѣхомъ въ другой: значитъ онъ же и царь вѣтровъ. Иногда царедворцы сажаютъ его на колесницу, изъ пушечнаго станка, въ которую запряжены львы или медвѣди. У царедворцевъ

его, у кого рыба въ рукахъ, у кого ракъ или раковина, и у всякаго по ведру воды изъ за-борта.

Поѣздъ этотъ тянется до сборнаго мѣста, на шканцахъ или шкафутахъ. Тутъ водяной допрашиваетъ команду, зачѣмъ они пришли въ царство его и требуетъ съ нихъ за это дань. Послѣ разныхъ шутокъ, онъ освобождаетъ отъ дани всѣхъ тѣхъ, кто уже проходилъ царство его, то есть экваторъ, и платилъ пошлину прежде, а остальныхъ окачиваетъ водой.

Иногда водяной высылаетъ послѣ гонца звѣздочетовъ своихъ, которые берутъ высоту солнца, дѣлаютъ счисленіе и объявляютъ, что корабль вошелъ въ царство водянаго и вотъ сейчасъ только перевалнвается изъ сѣвернаго полушарія въ южное.

Конецъ всего этого—много шутокъ и смѣху, да чарка вина.

животныя.

Изъ животныхъ сосцовыхъ, т. е. которыя кормятъ дѣтенышей сосцами, самое большое на сушѣ—слонъ, а въ водѣ—китъ. Слонъ бываетъ вышиною до двухъ, а длиною до двухъ съ по-

ловищою саженъ; китъ длиною до двадцати и болѣе саженъ, а въ обхватѣ на половину. Самое малое животное, напротивъ, мышь-землеройка, которая водится изрѣдка около Уральскихъ горъ: вся длина тѣла ея не съ большимъ въ дюймъ. Но самое высокое на переднихъ погахъ животное жирафъ; у него долговязая шея, въ сажень; отъ переднихъ копытъ до вершины маленькихъ рожковъ на головѣ, безъ малаго три сажени, а задъ вдвое ниже. Онъ мастью чубарый, ѣстъ древесный листъ и живетъ въ Африкѣ. Изъ числа плотоядныхъ—самый большой звѣрь ледовитый или бѣлый медвѣдь.

Изъ птицъ голенастыхъ (какъ куры), самая большая страусъ, называемый также строфокамилъ. Отечество его Африканскія безводныя степи; эта птица выше сажени и почти безкрылая; летать она не можетъ, а бѣжитъ шибче лошади. Арабы иногда пріучаютъ ее подъ сѣдло: она легко подымаетъ на себѣ человѣка. Изъ плотоядныхъ птицъ самая большая царь-коршунъ, или грифъ, въ Американскихъ высокихъ горахъ; ширина полета его двѣ сажени. Онъ впрочемъ питается только падалью. Изъ лапчатыхъ птицъ, баба больше всѣхъ тѣломъ, а тагакъ или альбатросъ—родъ бурной птицы —самая большая по ширинѣ полета. Самая кро-

хотная птичка—это медососы или колибри, въ жаркихъ краяхъ; иныя изъ нихъ не болѣе нашего шмеля.

Изъ гадовъ надо назвать, какъ самыхъ огромныхъ, морскую черепаху великана, въ сажень длины; крокодила, похожаго на ящирицу, но длиною иногда до трехъ саженъ, и наконецъ змѣю удава, саженъ пяти и болѣе. Всѣ эти животныя ѣдятъ одну скоромъ; крокодилъ и удавъ хватаютъ довольно крупную скотину и не брезгаютъ, если попадется, человѣкомъ.

Изъ рыбъ, самая большая наша бѣлуга; извѣстно, что изрѣдка попадалась она длиннѣе двухъ саженъ, а вѣсомъ болѣе 50-ти пудовъ. Впрочемъ, акула бываетъ длиннѣе, но гораздо поджарѣе.

ПОЖАРЪ И ПОТОПЪ.

Прусскій вольный корабельный мастеръ Якимъ Нетельбекъ работалъ со своими плотниками на верфи, у Кенигсберга, когда пробѣжалъ по народу крикъ и говоръ, что на устьѣ рѣки Прегеля, въ купецкой гавани, загорѣлся Голландскій корабль со льномъ. Мастеръ Якимъ бросился со

своимъ народомъ туда—и увидѣлъ, что пламя уже вскидывало конскимъ хвостомъ вверхъ изъ кормовыхъ портовъ Голландца; народъ же прорубилъ палубу во многихъ мѣстахъ и заливалъ пожаръ сверху водою. Но этимъ давали только огню больше простора, а ведрами уже нельзя было его унять. Между тѣмъ вокругъ стояло множество другихъ судовъ, а на самомъ берегу были товарные склады и запасы.

Видя, что на мѣстѣ нѣтъ путнаго указчика и что того-гляди всю гавань охватитъ огнемъ, мастеръ Якимъ кинулся на горящее судно: схватилъ за плечо шкипера и закричалъ: Ты обезумѣлъ, сердечный! Что ты дѣлаешь? вели скорѣе затопить судно, тебѣ нѣтъ другаго спасенія.

Но ни шкиперъ, ни другой кто не хотѣлъ слушать этого совѣта; всѣ метались, словно безъ ума, кто съ топоромъ, кто съ ведромъ—а пожаръ усиливался, пламя хлестало во всѣ концы и выживало людей. Якимъ схватилъ за руку одного изъ своихъ плотниковъ, соскочилъ съ нимъ въ шлюпку и придержавшись у борта горящаго корабля, приказалъ ему прорубить дыру въ обшивкѣ, вплоть у воды. Но плотникъ, боясь отвѣта, отказался.

Якимъ выхватилъ у него изъ рукъ топоръ, приказалъ ему держаться крюкомъ у борта, и

принялся самъ рубить. Какъ только прорубилъ онъ окошко, то пошелъ рубить его ниже и ниже, покуда ни хлынула въ него вода. Тотчасъ бросился онъ на судно, гдѣ толпилась сотня безтолковаго народа, и кричалъ, расталкивая всѣхъ въ право и въ лѣво: спасайтесь на-берегъ, судно тонетъ! Слышите, судно идетъ ко-дну, спасайтесь!

И точно, корабль началъ ложиться на бокъ; тогда народъ очнулся и, повѣривъ Якиму, бросился по сходнямъ на берегъ. Вскорѣ судно, оправившись, стало садиться, и сѣло на дно, погрузившись до половины мачтъ.

Тревога затихла, огня не стало, всѣ смотрѣли разинувъ ротъ и спрашивали: Кто это сдѣлалъ!—Кто затопилъ судно?—Я затопилъ, отвѣчалъ мастеръ Якимъ, а самъ пошелъ домой.

Шумъ и говоръ пошелъ по всему городу; всякъ судилъ и рядилъ по своему—а на другой день Якима потребовали въ судъ. Мнѣ прочитали показаніе просителей въ томъ, говоритъ мастеръ Якимъ, будто я затопилъ корабль съ товаромъ и причинилъ этимъ на сотню тысячъ рублей убытку. Такъ ли, спросили меня, и что скажешь въ оправданіе свое?

Такъ-то такъ, отвѣчалъ я, да что же болѣе тутъ дѣлать было? Вѣдь судно все стояло

въ огнѣ, ленъ въ трюмѣ горѣлъ ярымъ пламенемъ, которое выбивало уже во всѣ концы; неужто такой пожаръ вы зальете ведромъ? Да кабы можно было погасить его, такъ развѣ задушить подъ палубой, закрывъ всѣ люки—но и этого нельзя; ленъ не такой товаръ, а тутъ еще принялись прорубать палубу! Пошлюсь на тысячу свидѣтелей, что судно черезъ четверть часа стояло бы въ огнѣ кругомъ; тогда не было бы къ нему никакого приступа и вскорѣ не только вся купецкая гавань была бы обнята пламенемъ, а сгорѣли бы и склады и запасы, и цѣлые ряды сараевъ и навѣсовъ на берегу —да Богъ вѣсть, кто порукой, можетъ-статься и весь городъ Кенигсбергъ! Посудите, Господа, и порядите праведно, по людски и по Божьи: я худа не сдѣлалъ, а спасъ только гавань, верфи и городъ отъ большой бѣды!

Обсудивъ дѣло на мѣстѣ, судъ опять призвалъ въ присутствіе, какъ просителей, такъ и корабельнаго мастера Якима, и объявилъ ему, мастеру Якиму, отъ имени города и Начальства благодарность. Хозяинъ затопленнаго судна и купцы, погрузившіе на него товаръ свой, почесали затылки, но наконецъ, подавъ Якиму руки, сказали: Ты правъ, Якимъ, и дѣло твое правое.

БИТВА СЪ ИНДѢЙЦАМИ.

Лѣтъ 30 тому, на сѣверѣ Америки было еще мало поселеній и купецкіе корабли ходили къ этимъ берегамъ только для промѣна бусъ, бисера, ножей—и на бѣду свою также ружей и пороха,—на рухлядь. Корабль, на которомъ я служилъ штурманомъ, занимаясь уже нѣсколько мѣсяцевъ этою мѣною, подвигался изъ бухты въ бухту далѣе на сѣверъ. Старикъ Индѣецъ, прибывшій къ намъ на челнокѣ, вызвался привести насъ въ безопасную бухту, гдѣ обѣщалъ очень выгодную мѣну. И точно, онъ привелъ насъ къ удобному якорному мѣсту, прикрытому съ моря островкомъ Но мѣсто было тѣсное и мы стояли не далѣе тридцати саженъ отъ береговъ.

Индѣецъ, котораго мы прозвали Присѣдалоій, за то что онъ припадалъ каждый разъ когда мы стрѣляли изъ ружья, оставилъ насъ, а мы, осмотрѣвшись, взяли кой-какія осторожности, зная, что здѣшнимъ дикарямъ нельзя класть пальца въ ротъ. Вскорѣ онъ воротился съ товарищами и мы выгодно вымѣняли у нихъ до

сотни бобровъ и выдръ; они обѣщали привезти еще много товару и шкиперъ рѣшился простоять тутъ нѣсколько дней. Присѣдало и товарищъ его Русъ остались на суднѣ, прочіе воротились на берегъ, куда отправилась и часть нашихъ. Но весь берегъ былъ покрытъ непроходимымъ, вѣковымъ лѣсомъ, почему мы сѣли опять въ шлюпку и переѣхали на островъ, за которымъ стояли.

Здѣсь мы нашли слѣды Индѣйскаго стана и много огнищъ; а расхаживая по острову, мы вскорѣ нашли дурныя для себя примѣты: здѣсь очевидно сожжено было по частямъ Европейское судно; по остаткамъ видно было, что все желѣзо, гвозди, петли, крючья были отодраны и вышуты. Я, призадумавшись, сѣлъ на плиту, которая подо мною покачнулась; желая поправить ее, я увидѣлъ подъ нею кусокъ аспидной же плиты, съ надписью. Вытащивъ ее, я созвалъ товарищей и прочиталъ:

«Дикіе заманили сюда 9-го Іюня 1784 года Американскій промысловый бригъ Боберъ, напали и вырѣзали его ночью, а потомъ сожгли.»

Положеніе наше было не завидно. Шкиперъ хотѣлъ бы сняться съ якоря и уйти, но вѣтеръ былъ противный. Оставалось утѣшиться тѣмъ, что Боберъ вѣроятно былъ вырѣзанъ другимъ

племенемъ, а наши пріятели, Присѣдало и Русъ, были на видъ простодушны и, казалось, зла не замышляли. Шкиперъ приказалъ намъ однакоже остерегаться, не пускать вдругъ болѣе трехъ гостей на судно и держать ночью строгій караулъ.

Русъ и Присѣдало ничего не знали о погибшемъ здѣсь за нѣсколько лѣтъ суднѣ, а выпросились ночевать у насъ. Оба старика эти были безоружны и очень сдружились съ нами. Во ожиданіи продолженія выгодной мѣны, имъ шкиперъ позволилъ переночевать на шканцахъ. Они оба давно уже спали крѣпкимъ сномъ, когда я въ полночь вышелъ на вахту и присѣвъ безпечно у борта—не могу сказать что задремалъ,—но забылся, вспоминая прошлое. Вдругъ мнѣ платкомъ затянули ротъ и въ тоже время руки мои были за спиною какъ скованныя... оглянувшись съ трудомъ, я увидѣлъ за собою Руса и Присѣдала. Они связали меня по рукамъ и по ногамъ, а платокъ во рту не давалъ мнѣ подать голоса. Я былъ одинъ наверху; матросъ, назначенный на часы, сошелъ въ низъ, и этою-то оплошностію враги наши воспользовались. Вывѣсивъ для знака товарищамъ своимъ фонарь за бортъ, они сами стали на часы у люковъ. Не прошло десяти минутъ, какъ кругомъ изъ-за-

борта, молча, стали показываться дикари, какъ тѣни; они приставали къ судну и поднимались на него такъ тихо, что я ихъ только видѣлъ, но почти ничего не слышалъ. Они заняли люки и перешептывались.

Я услышалъ голосъ шкипера, который меня звалъ; я едва могъ промычать горломъ и несчастный начальникъ нашъ, не слыша отвѣта и не зная что дѣлается, сталъ подыматься по трапу... каждая ступня его отдавалась у меня какъ ножъ въ сердцѣ: я зналъ, что его ждетъ. Едва показалась непокрытая голова его сверхъ люка, какъ раздался по ней глухой ударъ кистеня, которымъ можно было свалить быка. Разбойники, не давъ убитому упасть, подхватили его подъ руки и выкинули за бортъ.

Убивъ капитана, дикари закрыли и заколотили всѣ люки. Въ палубѣ сдѣлалась тревога. но поздно. Увѣрившись въ побѣдѣ своей, разбойники развязали мнѣ ноги, ослабили веревку на рукахъ, сняли повязку со рта и, подведя къ люку, знаками приказывали мнѣ объясниться съ плѣнными товарищами.

Я подалъ голосъ—помощникъ шкипера обозвался и спрашивалъ, что сталось?

Капитанъ убитъ, сказалъ я, люки заколочены, а я здѣсь въ плѣну. Думай, и будь остороженъ!

Помолчавъ нѣсколько, товарищъ мой спросилъ: Воленъ ли ты въ словахъ своихъ, можешь ли говорить?

Меня двое держатъ, отвѣчалъ я, и заставляютъ говорить съ тобой—но можетъ быть они нѣсколько понимаютъ языкъ нашъ.

Такъ и мы понимаемъ другъ друга, сказалъ тотъ: много ль вамъ лѣтъ на шканцахъ?

Годовъ тринадцать будетъ, отвѣчалъ я, поняв, что онъ спрашиваетъ много ли дикихъ.

Съ хлопушками, продолжалъ онъ, или только съ игрушками?—

Съ пятокъ хлопушекъ будетъ, но игрушками также не шути: къ рукамъ пришлись.

Индѣйцы, видно смѣтивъ, что мы говоримъ лишнее, оттащили меня опять и посадили на ютъ. Русъ былъ старшина, ему всѣ повиновались; онъ ждалъ разсвѣта и подкрѣпленія. Такъ прошла ночь. Со свѣтомъ, по рѣзкому свисту Руса, которому отвѣчали изъ лѣсу, Индѣйцы стали прибывать толпами; я насчиталъ ихъ болѣе сотни. Меня развязали вовсе; я завидовалъ товарищамъ своимъ, которые, сидя внизу, могли бы за одинъ разъ поднять и себя и разбойниковъ этихъ на воздухъ.

Они собрали нѣсколько концовъ, спустили ихъ на ялъ нашъ, привязали одинъ конецъ къ

мачтѣ нашего судна, взяли ялъ лодками своими на буксиръ и передавъ конецъ на островъ, при входѣ въ бухту, принялись тащить туда судно наше. Они недоглядѣли, что оно стояло на якорѣ; но смѣтивъ скоро въ чемъ дѣло, отыскали топоръ, отрубили канатъ и опять принялись на островкѣ за веревку.

Въ это самое время изъ шкиперской каюты раздался ружейный залпъ: я вскочилъ—крикъ и вой дикихъ указалъ мнѣ куда глядѣть; я увидѣлъ, что наши подстерегли и перебили ихъ одиннадцать человѣкъ, проѣзжавшихъ мимо на двухъ лодкахъ. Нѣкоторые изъ дикихъ бросились было на меня, но Русъ, вѣроятно предвидя что я имъ еще нуженъ, или считая меня невольникомъ своимъ, погрозилъ имъ и они отошли. Часть дикихъ кинулась на берегъ, подхвативъ убитыхъ и раненыхъ; другая была на острову и тащила туда судно наше, но обѣ шайки были раздѣлены и первые не смѣли приблизиться къ кормѣ нашего судна, ни пройти мимо его къ острову.

Дикари на острову, въ злобѣ своей, стали тянуть бичеву съ такою силою, что порвали ее; судно было на ходу къ острову и отливомъ несло его туда же; стоя у штурвола, среди дикихъ, я невольно положилъ право руля—и судно на-

ше не ударилось на мель, а покатилось въ лѣво и вошло въ проливъ, ведущій въ открытое море. Я и самъ не знаю какъ и почему я это сдѣлалъ; я не могъ надѣяться спасти судно; но привычка великое дѣло: мы шли прямо на берегъ, руль былъ у меня въ рукахъ—и я положилъ его право, чтобы не удариться о берегъ. Дикари были перепуганы, не совсѣмъ понимали то, что я сдѣлалъ, и сами не знали что начать. Большая часть ихъ бросилась за бортъ и поплыла къ острову—но до 25-ти человѣкъ и съ ними Русь остались, хотя судно наше несло теченіемъ мимо острова въ море. Я былъ въ страхѣ и надеждѣ, не зналь что будетъ и про себя молился. Я хотѣлъ было открыть одинъ люкъ, но толчекъ кистенемъ и ножъ въ рукахъ Руса заставилъ меня отойти.

Между тѣмъ судно вышло изъ пролива и легкій вѣтеръ понесъ его далѣе отъ берега. Дикари опомнились: Русъ подошелъ ко мнѣ и замахнувшись нѣсколько разъ ножемъ, приставилъ его къ груди моей, требуя знаками, чтобы я правилъ къ берегу. Я объяснилъ ему, что вѣтеръ отъ берегу, и что во всякомъ случаѣ безъ парусовъ ничего нельзя сдѣлать. Онъ понялъ меня и требуя указанія какой парусъ и какъ отдавать и ставить, тотчасъ самъ съ то

варищами принялся за работу, продолжая впрочемъ грозить мнѣ по временамъ ножемъ.

Такимъ образомъ поставили мы гротъ, фокъ и бизань; дѣло шло очень медленно, потому что дикари не умѣли за него взяться, хотя и старались всѣми силами, и Русъ видѣлъ, что не по моей винѣ насъ отнесло уже на полмили отъ береговъ. Онъ былъ въ видимомъ страхѣ, но надѣялся на меня и на страшныя угрозы свои. Конечно они бы давно меня убили, еслибы только съ умѣли безъ меня справиться съ судномъ. Они стали будить меня все болѣе, а я старался объяснить имъ направленіе вѣтра и дѣйствіе парусовъ, доказывая, что не въ моей власти перескочить на берегъ и что надо еще прибавить одинъ парусъ—а именно, кливеръ. Они поняли меня и когда мы развязали его и я имъ показалъ кливеръ-фалъ, то они всѣ толпою кинулись подымать его съ такимъ усердіемъ, какъ лучшіе матросы.

Мы отошли отъ берега на цѣлую милю; множество лодокъ съ дикими выѣхало, но всѣ они въ страхѣ и недоумѣніи держались кучкой на половинѣ этого растоянія. Надобно сказать, что я съ отчаянія закурилъ цигарку, подавъ другую Русу, который также курилъ; мнѣ пришло въ голову, что дикари въ лодкахъ не могли

знать что у насъ дѣлается и что постановка столькихъ парусовъ должна была ихъ озадачить; пушки наши были заряжены картечью, и въ то самое время, когда судно при поднятіи кливера покатилось къ вѣтру, а всѣ дикари продолжали съ крикомъ надраивать фалъ его и шкотъ, одно изъ орудій, къ которому я подскочилъ отъ руля, пришлось прямо по направленію лодокъ: не долго думавъ я приложилъ цигарку къ запалу—и самъ отскочилъ назадъ къ штурвалу.

Картечь легла очень близко отъ лодокъ: всѣ онѣ, полагая что мы овладѣли судномъ, быстро пустились къ берегу. Мои дикари со страшнымъ визгомъ бросились ко мнѣ: но они остановились въ страхѣ и недоумѣніи, не зная, я ли причиною этой суматохи; а я указывалъ имъ въ палубу, стараясь увѣрить, что не я выстрѣлилъ, а запертые товарищи мои. Ничего не понимая—хотя въ палубѣ ни портовъ, ни пушекъ не было—дикари со страхомъ и бѣшенствомъ на меня смотрѣли и не знали что дѣлать.

Вѣтеръ былъ слабый, но изрядная зыбь, и къ крайней радости моей я замѣтилъ, что многихъ незванныхъ гостей моихъ, съ непривычки, стало укачивать. Время шло, мы уходили отъ береговъ, и въ отвѣтъ на страшныя угрозы

Руса съ братіею, я отступился отъ руля, показывая, что необходимо поставить марсели, безъ которыхъ лавировать нельзя. Я наконецъ однакоже долженъ былъ сдѣлать что нибудь, иначе они бы меня безъ сомнѣнія убили; приведя къ вѣтру, я сталъ поворачивать и къ неожиданности моей поворотилъ съ этимъ безтолковымъ экипажемъ и легъ на другой галсъ.

Увѣдившись, что судно идетъ къ берегу, Индѣйцы ревѣли и плясали отъ радости, а въ тоже время другихъ рвало; четырехъ такъ укачало, что они растянулись на палубѣ и стонали.

Дикари держались между гротъ и бизань-мачтами и не охотно стояли на бакѣ, потому что носъ болѣе качало и имъ страшно было смотрѣть, какъ по временамъ волна обдавала галіонъ. Я постучалъ въ задній люкъ—штурманъ тихонько отвѣтилъ; идите всѣ къ форъ-люку, сказалъ я, и стойте на трапѣ. Самъ я пошелъ на бакъ, брался за разныя снасти, будто для управленія; часоваго у этого люка сильно укачало, но онъ былъ вооруженъ отнятыми у меня пистолетами. Люкъ этотъ былъ только покрытъ глухой крышкой и черезъ нея перекинута желѣзная полоса съ наметкой; я вдругъ нагнулся, выдернулъ кляпышъ и откинулъ полосу; часовой припалъ, чтобы удер-

жать люкъ, закричавъ изо всей мочи, но крышка уже слетѣла, весь экипажъ нашъ выскочилъ, а я, обнявъ часоваго съ пистолетами, катался съ нимъ по палубѣ.

Наши встрѣтили толпу дикарей такимъ отчаяннымъ натискомъ, что не далѣе какъ въ десять минутъ вся палуба была очищена. Убитыхъ было не болѣе семи, остальные въ страхѣ сами кинулись за бортъ, и всѣ перетонули; одного только Руса мы вытащили и повѣсивъ на рєѣ, подошли къ острову, чтобы показать его дикимъ, съ которыми простились картечью.

Къ закату солнца мы уже все привели въ порядокъ и, оплакавъ несчастнаго шкипера своего, пустились въ дальній путь. Если и моя неосторожность чуть не погубила насъ всѣхъ, то покрайности оставалось мнѣ то утѣшеніе, что мнѣ же удалось и спасти судно.

БЕСѢДА ЗА ХЛѢБОМЪ-СОЛЬЮ.

У Ермила, пришедшаго домой въ числѣ безсрочныхъ, былъ зажиточный отецъ. Ермилъ съ набору попалъ въ армію, въ пѣхоту, про-

служилъ ни много, ни мало, да честно и въ свою очередь отпущенъ былъ до призыва.

Отецъ обрадовался Ермилу, угощалъ и потчивалъ его—а и того пуще мать напекла ему пироговъ да ватрушекъ—и задумали на праздникъ позвать гостей изъ сосѣднихъ селеній, двоихъ товарищей Ермила, да еще двоихъ безсрочныхъ же, которые воротились почти о туже пору, а служили во флотѣ.

Сошлись они, ѣли—пили чинно, потомъ развеселились за пирогами, да за брагой, и бесѣда пошла поразвязнѣе, а старики глядя на нихъ, любовались. Ѣли они и пили—да не въ брагѣ сила, а въ бесѣдѣ. Безъ соли, безъ хлѣба, худая бесѣда; а безъ бесѣды, и хлѣбъ соль въ глотку не пойдетъ.

Вотъ подумаешь, сказалъ солдатъ Токаревъ, жили дома—только намъ и свѣту было что въ окнѣ: анъ на улицу выйдешь—больше увидишь. Не много мы съ тѣхъ поръ на свѣтѣ пожили, да много видѣли. Вотъ и я видалъ иныя прочія зѣмли, примѣромъ сказать: Польскую и Нѣмецкую стороны, Турецкую, гдѣ на-голо все Турки, и Персію, гдѣ тѣже Турки—только что черноволосые, да въ черныхъ смушатыхъ шапкахъ, да говорятъ по своему, по Персидски. Турки однако побравѣе Персіянъ, а Персіане

поплутоватѣе будутъ; а Поляки перещеголяли и тѣхъ и другихъ; поудалѣе Турокъ и поплутоватѣе Персіанъ. А все народъ разный и всякому на уразумѣніе данъ свой языкъ!

Да, много исходили, сказалъ другой солдатъ, Дрягаловъ, а все чай того больше осталось свѣту не исхоженнаго; кто сколько ни хаживалъ, а никто конца свѣту не видалъ!

Хозяйскій сынъ, который угощалъ радушно товарищей, не перебивалъ бесѣды ихъ своими разсказами, а чинно слушалъ, да развѣ только поддакивалъ. Онъ на рѣчь Дрягалова замѣтилъ только, что вотъ-де и у нихъ въ полку былъ старый фельдфебель, съ шевронами во все плечо, такъ и тотъ сказывалъ, что-де никто всего свѣту не исхаживалъ, никто конца ему не видывалъ.

А у насъ старый каптенармусъ былъ, подхватилъ Токаревъ, такъ тотъ ужъ гдѣ не бывалъ! Онъ сказывалъ, что самъ вездѣ былъ и самъ видалъ, что нѣтъ тому свѣту конца.

Ну вотъ, похвалился, сказалъ Дрягаловъ: такъ чтожъ онъ и видалъ-то, коли видалъ что нѣтъ конца? Стало быть, не вравши, и сказалъ бы просто, каптенармусъ твой, что я-де не видалъ его, не доходилъ то есть до конца, а другіе можетъ статься и видѣли.

Матросъ Склянкинъ утеръ губы кулакомъ, а кулакъ чинно вытеръ объ утиральникъ, помоталъ головой, да усмѣхнувшись погрозилъ Дрягалову: Не говори, парень,—вотъ я и не съ эстолько служилъ, можетъ статься, какъ твой каптенармусъ, а видалъ своими глазами, что свѣту нѣтъ конца!

Товарищи вытаращили глаза на Склянкина и не знали, шутитъ ли онъ, или въ росхмѣль чушь несетъ. Что, сказалъ онъ, аль не вѣрится вамъ?—Вотъ хоть побожиться такъ негрѣшно: самъ былъ и самъ видѣлъ, что нѣтъ конца свѣту, а все равно растилается во всѣ стороны, куда ни поди!

Экой ты, молвилъ Дрягаловъ, такъ вѣдь тото оно и есть: ну, стало быть и ты, хоть и далеко заходилъ, а все до конца не дошелъ.

У кольца нѣтъ конца, сказалъ Склянкинъ, такъ и не найдешь его. Вонъ, гляди тараканъ по квашнѣ бѣжитъ: ну какъ онъ обѣжитъ кругомъ, да воротится на то же мѣсто, такъ видѣлъ онъ, аль нѣтъ, что поперегъ кадки нѣтъ конца?

Всѣ уставили глаза на квашню, старикъ отецъ Ермила оглядѣлъ кадку кругомъ, ровно не вѣрилъ, что тараканъ по ней конца не найдетъ,—а мать Ермила, подпершись ухватомъ, позабыла что хотѣла изъ печи кашу достать.

Поперегъ ту, вѣстимо, что все кругомъ ходить станетъ, обозвался, надувшись, Токаревъ такъ вѣдь вдоль клепки пойдете—хоть вверхъ, хоть; внизъ, все край есть.

А кабы и вдоль, что поперегъ, кругло было, кабы главу большую сдѣлать, шаромъ, да на него пустить таракана, такъ гдѣ бы онъ край нашелъ? Все одно, такова и земля, а мы какъ тараканы по ней ползаемъ. Вотъ вишь, вы пѣшкомъ по свѣту ходите, и много подметокъ изобьете, а того не увидите, что увидитъ тараканъ, а мы, сидя на одномъ мѣстѣ, да вокругъ свѣту обходимъ! Ей право, не хвастаю; въ хвасти нѣтъ сласти; а вышли мы изъ приморскаго города Кронштата, шли морями два года все впередъ, да не ворочаясь назадъ въ Кронштатъ же и пришли, какъ вотъ тараканъ вкругъ квашни.

1882 г

Какъ ни дивно было слушать Склянкина, а глядя на квашню да на таракана надо было ему повѣрить. Старикъ, отецъ Ермила, вытянулся и почесался, будто хотѣлъ обозваться, да видно подумалъ, что не идетъ ему вмѣшиваться въ бесѣду молодежи и, покачавъ головой, промолчалъ.

Однако, сказалъ Токаревъ, распоясавшись на кашу, однако свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ.

А киты тѣ на чемъ покоятся? спросилъ Дрягаловъ.

Киты на чемъ — подхватилъ Токаревъ — киты на водѣ, на морѣ-окіанѣ.

Да, на морѣ! А морѣ-то на чемъ? чай берега есть!

Море на чемъ, сказалъ Токаревъ, и заткнулъ ротъ ложкой крутой каши, и сталъ въ тупикъ.

Склянкинъ подмигнулъ Ермилу и сказалъ: Вотъ вишь ты и проврался; не съ проста же говорится, что враньемъ свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Видалъ я и окіанъ-море, видалъ и китовъ.

Видалъ? спросилъ Токаревъ, — тѣхъ самыхъ, на которыхъ земля лежитъ?

Ты знай свое, отвѣчалъ Склянкинъ; тебѣ говорятъ, что бабьи сказки.

Ну вотъ, подхватилъ Токаревъ; да вѣдь, сказываютъ, отъ того порою и земля дрожитъ, коли китъ уставши на другой бокъ оборачивается.

Эка притча! Такъ вѣдь китамъ-то надо море, а море, слышь, не безъ береговъ живетъ; а берегъ то земля — вотъ мы съ тобой и на словахъ обошли кругомъ, и пришли туда, откуда вышли: на чемъ же эта земля стоитъ?

На невидимой рукѣ Божьей, отвѣчалъ Токаревъ.

Такъ чѣмъ путать китовъ, да подъ ними опять воду и землю, ты и скажи прямо, какъ дѣло есть: что земля наша, и съ китами, и съ морями, кругла какъ шаръ и стоитъ на невидимой рукѣ Божьей. Это дѣло. Нѣтъ, братцы, великъ китъ-рыба, это правда, да великъ потому только, что всѣ рыбы и звѣри меньше его, а все ему не подъ силу на себѣ землю носить. Онъ и весь-то будетъ сажень въ пятнадцать, много что въ двадцать; это что-ровно пылинка супротивъ всей земли; эту прибаутку придумали старухи на печи.

Ладно, ладно, обозвалась съ печи бабушка Ермила, ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами; у васъ всему старухи виноваты — смотрите, сами состарѣетесь!

Ребята всѣ разсмѣялись. Бабушка здравствуй! сказалъ Склянкинъ, поднявъ стаканъ браги: сто лѣтъ да двадцать, да малыхъ пятнадцать, да со днемъ годъ, да слаще меду въ ротъ!

СОСНА И ЕЛЬ.

Новобранца, который отданъ былъ на службу не молодымъ, а до этого служилъ рабочимъ

въ саду, спросилъ старшій офицеръ: Ну что, учишься ли снастямъ, знаешь ли хоть рангоутъ?

Учусь, Ваше Высокоблагородіе.

Ну, а знаешь ли, напримѣръ, какое это дерево, спросилъ старшій офицеръ. указывая на грота-рей.

Садовникъ накрылъ брови ладонью, отъ солнца, поглядѣлъ на дерево, и отвѣчалъ: Да Богъ его знаетъ сосновое ли, еловое ли — вѣдь оно закрашено!

ПЕРЕЛИЦЕВКА.

Въ 1812 году крейсеры наши ходили въ Балтійскомъ морѣ; въ это время всѣ народы были на сторожѣ, и на сухомъ пути и на морѣ. Нашъ бригъ увидѣлъ купца, о трехъ мачтахъ, но такого ходока, и такого ловкаго и бойкаго въ поворотахъ, что сталъ было сомнѣваться, полно купецъ ли это? — Однако ни портовъ, ни орудій не было замѣтно; людей на верху не много; форъ-марсель о четырехъ рифахъ, гротъ-марсель о трехъ; одна брамъ-стеньга съ голымъ флагштокомъ, другая съ бомъ-салингомъ; третья мачта съ одною бизанью и гафъ-

топселемъ, безъ реевъ. Только реи на гротъ- и фокъ-мачтахъ казались не въ мѣру великими. Видѣли на суднѣ этомъ издали Шведскій купеческій флагъ, а черезъ два или три часа явилось оно подъ флагомъ Американскимъ.

Съ нашего брига послали спросить и осмотрѣть этого купца и оказалось, что это былъ Англійскій военный бригъ, посланный за вѣстями, а при случаѣ также за призомъ, потому что Англичане были въ войнѣ съ Французами и другими, приставшими къ нимъ по неволѣ народами. Англичанинъ мастерски надѣлъ личину: въ диру на шканцахъ для трубы капитанскаго камина, онъ поставилъ гикъ, вмѣсто малой бизань-мачты; вмѣсто стеньги, онъ выстрѣлилъ фоковый лисель-спиртъ, а гикъ сдѣлалъ изъ гротоваго лисель-спирта; штормовой гротъ поставилъ вмѣсто бизани, гафъ-топсель сшилъ новый, а у форъ-марселя сдѣлалъ четвертый рифъ. Замаскировать корпусъ было еще проще: пушки были вдвинуты, покрыты брезентами, порты закрыты, а полоса наполовину закрашена. Растрепавъ затѣмъ еще немного оснастку, бригъ этотъ смѣло могъ называться купцомъ и подъ этой личиной взялъ хорошій призъ въ Шведскомъ портѣ Гельсинорѣ, изъ подъ самой брандвахты; это было такъ:

Обогнувъ мысъ, купецъ нашъ легъ по бухтѣ прямо на Шведкую брандвахту, будто хочетъ явиться и подать бумаги свои. Бомъ-брамсели и брамсели закрѣплены были на ходу, по купечески, по одиначкѣ; вооруженная шестерка была спущена осторожно и держалась у борта, съ противной стороны, такъ что брандвахтѣ ея не было видно. Закрывшись отъ брандвахты купеческимъ бригомъ, который спокойно стоялъ на якорѣ въ полуторѣ кабельтовахъ отъ нея, Англичанинъ отправилъ шестерку свою на бригъ этотъ, который былъ взятъ въ тихомолку; двухъ матросовъ, копавшихся надъ чѣмъто, спихнули въ трюмъ, отдали на-скоро паруса и, отрубивъ канатъ, подняли фалы и стали править изъ бухты. Тогда капитанъ Англійскаго брига вдругъ поднялъ Англійскій флагъ и выпалилъ изъ пушки; на призовомъ бригѣ также подняли Англійскій флагъ, и оба вмѣстѣ пошли подо всѣми парусами на-утекъ: На брандвахтѣ засуетились, дали одинъ выстрѣлъ и замолчали: что съ возу упало, то пропало.

ВОДОПОЙ.

Полтавецъ, который въ первый разъ отъ роду пришелъ съ обозомъ въ Одессу, пригналъ воловъ

своихъ въ море на водопой. Волы понюхали, да и отворотили рыло отъ воды въ сторону. Чумакъ удивился, для чего у него волы не хотятъ пить такой чистой воды, а потому, по привычкѣ своей, зачерпнулъ ее рукой и самъ отвѣдалъ. Выплюнувъ ее и поморщась, онъ покачалъ головой и сказалъ:

«Тимъ-то воно таке здоровенне, що іого не якій бись не пье!

ТУРКИНЪ.

Въ Наваринскомъ морскомъ сраженіи, гдѣ наши дрались въ запуски за-одно съ Французами и Англичанами, много нижнихъ чиновъ отличились стойкостію и мужествомъ. На Адмиральскомъ кораблѣ Азовѣ, на марсѣ, у унтеръ-офицера Туркина ядромъ оторвало правую руку. Онъ передалъ старшему по себѣ команду, старался ободрить матросовъ, спустился самъ по вантамъ внизъ, перенесъ спокоїно боль, когда лекарь отнялъ ему руку, и пожалѣлъ только что потерялъ правую руку, которою привыкъ креститься.